

ДЕТЕКТИВ: НОВЫЙ УРОВЕНЬ

Я ОТПУСКАЮ ТЕБЯ

КЛЭР МАКИНТОШ

Психологический триллер (АСТ)

Клэр Макинтош
Я отпускаю тебя

«Издательство АСТ»

2014

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Макинтош К.

Я отпускаю тебя / К. Макинтош — «Издательство АСТ»,
2014 — (Психологический триллер (АСТ))

ISBN 978-5-17-118386-8

Был обычный дождливый день. День, когда маленький мальчик отпустил руку отвлекшейся матери и побежал через дорогу, – и ее жизнь разбилась вдребезги... Год спустя талантливая художница Дженна Грей, скрывшаяся от мира в прибрежной деревушке, вновь и вновь переживает день этой трагической автокатастрофы, все глубже погружаясь в чувство вины и безнадежности. А между тем опытный детектив Рэй Стивенс и его молодая напарница Кейт, ведущие дело о наезде на мальчика, бегстве водителя с места аварии и исчезновении убитой горем матери, начинают подозревать, что здесь всё далеко не так просто, как казалось вначале...

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-118386-8

© Макинтош К., 2014

© Издательство АСТ, 2014

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	33
Глава 8	39
Глава 9	44
Глава 10	47
Глава 11	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Клэр Макинтош

Я отпускаю тебя

Clare Mackintosh
I LET YOU GO

Серия «Психологический триллер»

Перевод с английского О. А. Мышаковой
Компьютерный дизайн В. А. Воронина

Печатается с разрешения издательства Little, Brown Book Group Limited и литературного агентства Nova Littera SIA

© Clare Mackintosh, 2014
© Перевод. О. А. Мышакова, 2019
© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

Часть первая

Глава 1

Стоя у окна, инспектор криминальной полиции Рэй Стивенс разглядывал свой крутящийся стул, подлокотник которого сломался минимум год назад. До сих пор инспектор, будучи человеком практическим, попросту не опирался на левую сторону, но когда он выходил на обед, на спинке кресла кто-то черным маркером написал «дефективный». Рэй гадал: может, отдел хозобеспечения, рьяно взявшийся за ревизию офисного оборудования, собрался расшедриться на замену? Или же ему суждено руководить бристольской криминальной полицией из кресла с надписью, бросающей нешуточную тень на его, Стивенса, авторитет?

Отыскав в верхнем ящике маркер, Рэй присел на корточки и исправил одну букву, так что получилось «детективный». Тут дверь в кабинет распахнулась, и он поспешно встал, закрыв маркер колпачком.

– А, Кейт, я тут это... – Он не договорил, все поняв по ее лицу еще до того, как взглянул на оперативную сводку. – Что у тебя?

– Наезд со смертельным исходом в Фишпондс, шеф. Водитель задавил пятилетнего ребенка и скрылся.

Рэй взял у нее распечатку и пробежал глазами, пока только что сменившаяся с дежурства Кейт мялась на пороге. Она пришла в криминальную полицию всего пару месяцев назад и еще не освоилась, но работник из нее вышел хороший – она даже не сознавала, насколько.

– Номер не запомнили?

– Пока никто не признался. Вызванный на место патруль обеспечил сохранность места происшествия, сержант сейчас берет показания у матери ребенка. Понимаете, она в шоковом состоянии...

– Сможешь сегодня задержаться? – только и спросил Рэй. Кейт закивала, не дожидаясь, пока он договорит. Они обменялись понимающими полуулыбками – прилив адреналина заставлял забыть об усталости и будил охотничий азарт, несмотря на чудовищную причину. – Тогда поехали.

Они кивнули курильщикам, собравшимся под козырьком служебного выхода.

– Стампи, я забираю Кейт в Фишпондс. Свяжись с аналитическим, узнай, может, уже есть какие результаты.

– Будет сделано. – Пожилой детектив торопливо затянулся своей самокруткой. Сержанта Джейка Оуэна все звали просто Стампи¹ так давно, что в суде всякий раз было непривычно слышать его полное имя. Немногословный Стампи имел в запасе больше бак, чем готов был рассказать, и, без сомнения, был лучшим детективом-сержантом у Рэя в управлении. Они несколько лет работали как напарники: Стампи со своей физической силой, неожиданной в таком коротышке, был весьма удобен в розыском деле.

Кроме Кейт, в подчиненных у Стампи ходили невозмутимый Малколм Джонсон и молодой Дейв Хиллсдон, энергичный, но авантюрного склада констебль, чьи упорные попытки обличить виновного балансировали на грани допустимого. Но вместе они составляли хорошую команду, и Кейт быстро у них училась. Она так и горела служебным рвением, пробуждавшим

¹ Крепыш, коренастый (англ.) – Здесь и далее – примеч. пер.

в Рэе ностальгию по тем дням, когда он был рядовым оперативным сотрудником и семнадцать лет бюрократии его еще не укатали.

На «Опеле Корса» без опознавательных полицейских знаков они пробивались в Фишпондс по запруженным транспортом дорогам. Кейт, нетерпеливый водитель, досадливо цокала языком, когда загорался красный свет, и вытягивала шею, чтобы разглядеть, отчего впереди очередной затор. Она ни секунды не сидела спокойно: барабанила пальцами по рулю, морщила нос, ерзала на сиденье. Когда автомобили наконец тронулись с места, Кейт подалась вперед, будто от этого «Корса» поедет быстрее.

– Что, сейчас бы мигалку с сиреной? – сочувственно спросил Рэй.

Кейт улыбнулась:

– Да, не помешало бы!

Под глазами у нее немного расплылась подводка, но в остальном лицо девушки не было тронуто макияжем. Темные кудри окружали его ореолом, несмотря на черепаховую заколку, которой надлежало их удерживать.

Рэй зашарил в поисках мобильного – требовалось убедиться, что на место уже выехали из отдела расследований дорожно-транспортных происшествий, дежурный суперинтендант поставлен в известность и вызвали техподдержку – неуклюжий фургон, под самую крышу набитый палатками, прожекторами и горячими напитками. Все оказалось сделано. Честно признаться, думал Рэй, все всегда и делалось, но вместе с должностью инспектора он заработал и постоянную головную боль. Обычно патрульные мрачнели, когда инспектор полиции подъезжал лично и, так сказать, покушался на свою прежнюю территорию, но тут уж ничего не поделаешь. Все через это прошли, даже Рэй, отработавший в патрульных необходимый минимум.

Он связался с диспетчером, сообщив, что через пять минут будет на месте, но домой звонить не стал: он, наоборот, предупреждал Мэгс в тех редких случаях, когда собирался вернуться с работы вовремя (с его нагрузкой так целесообразнее).

Свернув за угол, Кейт сбросила скорость: шесть полицейских автомобилей, припаркованных как попало, освещали все вокруг голубоватыми вспышками мигалок. Прожекторы уже были установлены на металлических штативах, и сильные лучи пронизывали завесу измороси, в которую за последний час превратился мелкий дождь.

Выходя из управления, Кейт захватила куртку и переобулась, сменив туфли на резиновые сапоги.

– Практичность важнее красоты, – засмеялась она, бросив туфли в свой металлический шкафчик. Рэй редко думал о практичности и еще реже о красоте, но сейчас он пожалел, что не взял хотя бы пальто.

Они оставили машину за сотню метров от большого белого тента, раскинутого в попытке спасти от дождя возможные улики. С одной стороны палатка оказалась открыта, и было видно, как эксперт-криминалист, стоя на четвереньках, собирает марлевым тампоном что-то неразличимое. Другой эксперт в белом спецкостюме осматривал одно из огромных деревьев на обочине.

Рэй и Кейт направились к месту происшествия, когда их остановил молодой патрульный в застегнутой до ушей светоотражающей куртке: его лицо было едва заметно между козырьком фуражки и воротником.

– Добрый вечер, сэр, хотите туда пройти? Я обязан вас записать.

– Нет, спасибо, – отказался Рэй. – Где ваш сержант?

– В доме матери пострадавшего, – полицейский показал дальше по улице, вдоль которой тянулся ряд одинаковых домов, и еще выше подтянул воротник. – Дом номер четыре, – раздалось приглушенное пояснение.

– Господи, вот уж дрянная работа, – посетовал Рэй, когда они с Кейт шагали в указанном направлении. – Помню, в бытность мою стажером я двенадцать часов охранял место происшествия под проливным дождем, после чего меня отчитал приехавший к восьми утра следователь за то, что я не улыбаюсь...

Кейт засмеялась:

– И поэтому вы решили податься в сыщики?

– Не только, – отозвался Рэй, – хотя в какой-то мере тот случай повлиял. А в основном просто осточертело передавать интересные дела сыскарям, не видя ни одного раскрытия. А ты?

– Да тоже как-то так...

Дойдя до ряда домов сплошной застройки, на которые указал патрульный, они принялись выискивать четвертый номер. Кейт продолжала:

– Меня всегда привлекали серьезные расследования. Я по характеру такая, что мне быстро все надоедает, потому и люблю заковыристые дела, над которыми нужно поломать голову. Кроссворды повышенной сложности, понимаете?

– Еще как понимаю, – согласился Рэй. – Хотя я никогда не умел разгадывать кроссворды.

– Там только приноровиться надо, и начнет получаться, – сообщила Кейт. – Будет время, я вас научу. Вот номер четыре!

Нарядно покрашенная дверь была приоткрыта. Рэй распахнул ее и крикнул в коридор:

– Криминальная полиция! Можно нам войти?

– Проходите в гостиную, – послышался ответ.

Вытерев ноги, детективы прошли по узкому коридору, миновав завешанную одеждой вешалку, под которой аккуратно поставленные детские красные резиновые сапожки соседствовали с парой сапог побольше.

Мать погибшего ребенка сидела на кушетке, не сводя глаз с синего школьного рюкзака на завязках, лежавшего у нее на коленях.

– Я инспектор полиции Рэй Стивенс. Примите мои соболезнования по поводу случившегося с вашим сыном.

Молодая женщина подняла глаза, так накручивая шнурки на руки, что на коже оставались красные борозды.

– Джейкоб, – сказала она без слез. – Его звали Джейкоб.

Патрульный сержант, примостившийся за кухонным столом, держал блокнот на колене. Рэй видел раньше этого парня в управлении, но как зовут, не знал. Он бросил взгляд на его жетон.

– Брайан, выйди пока с Кейт на кухню и расскажи ей, что удалось узнать. Я хочу задать свидетельнице несколько вопросов, это не займет много времени, а вы пока ей чаю сделайте.

По выражению лица Брайана стало ясно – меньше всего ему хочется заниматься чаем, но он встал и вышел из комнаты вместе с Кейт. Наверняка сейчас пожалуется, как следки третируют их, простых патрульных. Рэй не стал об этом думать.

– Простите, что приходится вас беспокоить, но нам сейчас очень важно получить как можно больше информации.

Мать Джейкоба кивнула, по-прежнему глядя на рюкзачок.

– Я так понял, номера машины вы не заметили?

– Все случилось очень быстро, – проговорила она, и эти слова словно открыли невидимые шлюзы. – Джейкоб рассказывал о школе, а тут... Я выпустила его руку буквально на секунду... – Она сильнее затянула шнур на запястье. – Так быстро... Машина просто летела...

Она отвечала на вопросы тихо, не выдавая огромного горя, которое не могла не чувствовать. Рэй не любил трогать человека в таком состоянии, но выбора у него не оставалось.

– А кто был за рулем?

– Я не видела.

– Пассажиры в машине были?

– Я внутрь не заглядывала, – это прозвучало монотонно и как-то безжизненно.

– Понятно, – отозвался Рэй. И как прикажете работать, черт побери?

Женщина поглядела на него:

– Вы же его найдете? Того, кто задавил Джейкоба? Найдете? – Ее голос дрогнул, и слова перешли в утробный стон. Несчастливая мать согнулась, прижимая к животу школьный рюкзак, и у Рэя все сжалось в груди. Он глубоко вздохнул, справляясь с эмоциями.

– Мы сделаем все возможное, – ответил он, презирая себя за эту избитую фразу.

Из кухни вернулась Кейт, за которой шел Брайан с кружкой чая.

– Ну что, может, я все-таки закончу брать показания? – спросил он.

«Ты имел в виду – прекрати расстраивать мою свидетельницу», – подумал Рэй.

– Пожалуйста. Простите, что помешал. Кейт, мы все узнали?

Девушка кивнула. Она была бледна, и Рэй подумал, уж не расстроил ли ее Брайан. Через год Рэй будет видеть ее насквозь, как остальных своих сотрудников, но пока он ее еще не раскусил. Впрочем, прямолинейности ей было не занимать, в чем Рэй имел случай убедиться: на совещаниях Кейт не боялась высказать свою точку зрения и быстро училась.

Выйдя на улицу, детективы молча пошли к машине.

– Ты в порядке? – зачем-то спросил Рэй. Кейт шла, стиснув зубы, и в ее лице не было ни кровинки.

– В полном, – отозвалась девушка, но голос у нее звучал сипло, и Рэй понял, что она сдерживает слезы.

– Эй, – он неловко приобнял ее за плечо, – ты из-за этого мальчика?

За много лет у инспектора выработался защитный механизм, не позволявший расклеиваться в подобных ситуациях. Свои методы на этот счет имелись у большинства детективов – соленые шутки, звучавшие иногда в столовой, лучше было пропускать мимо ушей, – но Кейт, видимо, еще не привыкла.

Она кивнула и глубоко, прерывисто вздохнула.

– Простите. Обычно я держу себя в руках, я расследовала уже больше десяти наездов со смертельным исходом, но... Господи, всего пять лет! Отец Джейкоба не желал его знать, поэтому мать и сын жили вдвоем. Даже представлять не хочу, каково ей сейчас... – Ее голос сел, и Рэй снова почувствовал в горле ком. Он спасался тем, что сосредотачивался на расследовании – на твердых доказательствах – и не думал о переживаниях участников трагедии. Если все время пережевывать, каково держать на руках своего умирающего ребенка, от такого детектива не будет пользы в первую очередь Джейкобу и его матери. Рэй невольно подумал о своих детях, и его посетило иррациональное желание позвонить домой и проверить, все ли с ними в порядке.

– Простите. – Кейт через силу улынулась. – Обещаю, такого больше не повторится.

– Да все нормально, – заверил Рэй. – Каждый через это прошел.

Она приподняла бровь:

– И вы? Простите, шеф, но я не считаю вас чувствительной натурой.

– Всякое случалось. – Рэй коротко сжал ее плечо и убрал руку. Плакать на работе ему не доводилось, но порой он держался из последних сил. – Успокоилась?

– Почти. Спасибо.

На ходу Кейт оглянулась на дорогу, где эксперты еще и не думали заканчивать.

– Какой же ублюдок способен задавить пятилетнего мальчишку и уехать?

Рэй ответил без колебаний:

– Вот это нам и предстоит выяснить.

Глава 2

Я не хочу чая, но принимаю предложенную кружку и опускаю лицо к поднимающемуся пару, пока не становится нестерпимо горячо. Боль щиплет кожу, от нее немеют щеки и жжет глаза. Я борюсь с инстинктивным желанием отодвинуться – мне нужно одеревенеть, утратить всякую чувствительность, чтобы выдержать воспоминания, не тускнеющие ни на миг.

– Принести тебе что-нибудь поесть?

Он стоит надо мной, и я знаю, что должна поднять голову, но я не в силах совладать с собой. Как он может предлагать мне еду и питье, будто ничего не произошло? Изнутри поднимается волна дурноты, и я сглатываю едкий, кислый вкус. Он винит в этом меня. Он не сказал прямо, но ему и не надо, все читается в его глазах. И он прав – это моя вина. Надо было возвращаться домой другой дорогой. Я не должна была болтать, я должна была его остановить...

– Нет, спасибо, – тихо отвечаю я. – Я не голодна.

Наезд снова и снова прокручивается у меня в голове. Я хочу нажать на паузу, но этот видеоролик неумолим: тело, распластанное на капоте, раз за разом. Я снова подношу чашку к лицу, но чай остыл, его тепла недостаточно, чтобы обжечь. Я не чувствую, как выступают слезы, но увесистые горячие капли падают мне на колени. Я смотрю, как они впитываются в джинсы, и скребу ногтем по пятну глины на своем бедре.

Я обвожу взглядом комнату в доме, который столько лет создавала. Занавески той же ткани, что и диванные подушки, статуэтки – некоторые мои, остальные я увидела в разных галереях и не смогла пройти мимо. Я думала, что вдыхала в дом душу, а оказалось, лишь украшала стены. Пустая скорлупа.

Рука болит. В запястье бьется пульс, быстрый и легкий. Я рада боли; лучше бы болело сильнее. Жаль, что это не меня сбила машина.

Он снова говорит. Полиция повсюду ищет автомобиль... Свидетелей происшествия попросят откликнуться через газеты... Несчастный случай попадет в выпуск новостей...

Комната кружится, и я начинаю пристально смотреть на кофейный столик, кивая, когда это кажется уместным. Он делает два шага до окна, потом возвращается. Я бы предпочла, чтобы он сел: это заставляет меня нервничать. Руки у меня дрожат, и я поспешно ставлю нетронутую чашку чая, боясь ее уронить, однако при этом громко звякаю о стеклянную столешницу. Он с досадой смотрит на меня.

– Прости, – говорю я. Во рту металлический вкус, и я догадываюсь, что прокусила губу. Я сглатываю кровь, не желая привлекать внимание просьбой о платке.

Все изменилось. В то мгновение, когда машину занесло на мокром асфальте, вся моя жизнь изменилась. Я вижу это очень ясно, будто со стороны. Я так дальше не смогу.

Проснувшись, я не сразу понимаю, что это за ощущение: все вокруг то же самое, и, однако, все изменилось. Но прежде чем я открываю глаза, в голове возникает шум, подобный звуку поезда метро, и тут же начинают мелькать нестерпимо яркие картинки, которые я не могу прогнать или поставить на паузу. Я прижимаю основания ладоней к вискам, словно стараясь силой подавить воспоминания, но они все равно наплывают, выпуклые, стремительные, будто без них я смогу забыть.

На тумбочке медный будильник, который мне подарила Ева, когда я поступила в университет («Иначе ты нипочем не успеешь на лекции»). Потрясенная, я замечаю, что уже половина одиннадцатого. Ноющая рука отходит на второй план – голова раскалывается так, что в глазах темнеет от любого движения, и когда я буквально выдираю себя из кровати, в теле болит каждая мышца.

Я натягиваю вчерашнюю одежду и выхожу в сад, не налив себе кофе, хотя во рту пересохло, и трудно глотать. Я не нашла свою обувь, и побитая морозом трава обжигает босые

ступни. Сад небольшой, но и зима на подходе: дойдя до дальнего края, я уже не чувствую пальцев.

Мастерская в саду служит мне уединенным уголком последние пять лет. Случайному зрителю она может показаться почти сараем, но я приходила сюда думать, работать и отрешиться от всего. Деревянный пол усеян кусками глины, которые падали с гончарного колеса, установленного в центре студии, чтобы я могла ходить вокруг, окидывая свою работу критическим взглядом. Вдоль трех стен тянутся полки, куда я ставлю мои скульптуры в художественном беспорядке, понятном только мне. Незаконченные работы – сюда; обожженные, но не раскрашенные – сюда; готовые заказы – сюда. Здесь сотни статуэток, однако если я закрою глаза, то сразу вспомню ощущение каждой из них под пальцами, влажность глины на ладонях.

Я беру ключ из тайника под подоконником и открываю дверь. Все хуже, чем я думала. Пола не видно под сплошным ковром глиняных черепков; округлые половинки ваз заканчиваются угрожающе острыми зазубринами. Деревянные полки пусты, со стола сброшены все работы, а миниатюры на подоконнике, неузнаваемые, разбиты в крошку, блестящую в лучах утреннего солнца.

У двери лежит маленькая статуэтка – эту серию я делала в прошлом году для магазина в Клифтоне. Мне хотелось воспроизвести что-то реальное, далекое от совершенства, но все равно прекрасное, и я вылепила десять женщин, каждую с индивидуальной фигурой, со своими складками, шрамами и несовершенствами. Моделями мне служили моя мать, моя сестра, девушки, которых я учила гончарному делу, женщины, которых я видела в парке. А вот это как раз я – сходство довольно условное, чтобы не узнавали, но тем не менее это я. Грудь почти плоская, бедра слишком узкие, стопы великоваты. Волосы скручены в низкий пучок. Я нагибаюсь и поднимаю фигурку, кажущуюся невредимой, однако под моим прикосновением глина приходит в движение, и я остаюсь с двумя половинками в руках. Некоторое время я гляжу на обломки, а затем с силой запускаю их в стену, где они разлетаются в крошку, осыпаящую стол.

Я глубоко втягиваю воздух и медленно выдыхаю.

Не знаю, сколько дней прошло после аварии или как я прожила неделю, когда мне казалось, что я бреду по колено в густой патоке. Не знаю, что подтолкнуло меня сделать это именно сегодня, но я решилась. Я беру с собой только то, что умещается в дорожной сумке, зная, что если не уеду прямо сейчас, то не уеду уже никогда. Я мечусь по дому, пытаюсь представить, что никогда больше сюда не вернусь. От этой мысли становится страшно и одновременно охватывает ощущение свободы и легкости. По силам ли это мне? Возможно ли сбежать от одной жизни и начать другую? Но я должна попробовать; это мой единственный шанс выдержать все это и не умереть.

Ноутбук на кухне; в нем адреса, фотографии, важная информация, которая может понадобиться, я ее нигде больше не сохраняла. У меня нет времени думать об этом сейчас, и хотя ноутбук тяжелый и большой, я засовываю его в сумку. Места в ней остается мало, но я не могу уехать без одной особой частицы моего прошлого. Я выбрасываю джемпер и футболки и опускаю в сумку деревянную шкатулку, где спрятаны мои воспоминания, утрамбованные под кедровой крышкой. Внутри я не заглядываю – мне это не нужно. Подростковые дневники, которые я вела как попало, вырывая провинившиеся страницы; билеты на концерты, стянутые резинкой для волос; школьный аттестат; газетные вырезки о моей самой первой выставке – и фотографии сына, которого я любила так неистово, что это казалось невероятным. Драгоценные снимки. Так мало от человечка, которого так любили. Такой маленький след для мира и, однако, центр моего личного мира.

Не в силах удержаться, я открываю шкатулку и беру самый верхний снимок – полароидный, сделанный акушеркой с вкрадчивым голосом в день его рождения. Здесь он еще крошечный розовый комочек в складках белого больничного одеяльца. На фотографии мои руки

выдают неловкость неопытной матери, которую захлестывает любовь и изнеможение. Все было таким поспешным, таким пугающим, настолько непохожим на книги, которые я читала во время беременности, но любовь, которую я должна была почувствовать, не подвела и не поколебалась. Вдруг разучившись дышать, я кладу снимок обратно и заталкиваю шкатулку в сумку.

Гибель Джейкоба стала сенсацией для первых газетных полос, кричащей со стены гаража, когда я прохожу мимо, из углового магазинчика, из очереди на автобусной остановке, в которой я стою как все, будто ничем не отличаюсь. Будто я не убегаю отсюда.

Все только и говорят, что о несчастном случае. Как такое могло случиться? Кто это сделал? На каждой остановке в автобус врываются свежие новости, обрывки разговоров доносятся в конец салона, и закрыться от них я не могу.

Машина была черная.

Машина была красная.

Полицейские уже напали на след.

У полиции нет никакой информации.

Рядом со мной сидит женщина. Она разворачивает газету, и мне на грудь вдруг будто ложится камень. На меня смотрит лицо Джейкоба: кажется, что эти затекшие кровью глаза упрекают меня в том, что я не защитила его, не спасла, дала умереть. Я заставляю себя смотреть на него, и горло забивает плотный комок. Перед глазами все расплывается, я не могу разобрать строки, но мне и не нужно – я видела эту статью в каждой газете, мимо которой сегодня прошла. Слова подавленных горем учителей, описание букетов, выложенных вдоль обочины рядом с местом трагедии, расследование – начатое и вскоре закрытое. На второй фотографии венки из желтых хризантем на неправдоподобно маленьком гробике. Женщина с газетой цокает языком и начинает говорить – вроде бы сама с собой, но ожидая от меня реакции:

– Ужасно, правда? И ведь перед самым Рождеством!

Я молчу.

– Ездят, ездят, носятся на такой скорости. – Она снова цокает языком. – Всего-то пять лет пожил... Ну вот какая мамаша отпустит такого крошку одного через дорогу?

У меня невольно вырывается рыдание. Я не заметила, что плачу, однако горячие слезы текут по щекам в платок, который мне кто-то сунул в руку.

– Бедняжка, – с жалостью говорит женщина не то обо мне, не то о Джейкобе. – В голове не укладывается, правда?

Но для меня случившееся в высшей степени реально, и я хочу ей сказать, что бы она себе ни напридумывала, все в тысячу раз хуже. Женщина находит мне еще салфетку, мятую, но чистую, и переворачивает газетную страницу; дальше пишут о том, что в Клифтоне уже включили рождественскую иллюминацию.

Я никогда не думала, что сбегу. Я никогда не думала, что мне придется это сделать.

Глава 3

На третьем этаже управления постоянная, не стихающая круглые сутки суeta дежурного отделения сменялась тишиной кабинетов офисных служащих и следователей по особо важным делам. Инспектору Стивенсу здесь очень нравилось по вечерам, когда он мог без помех просматривать неубывающую стопку дел на своем столе. Рэй прошел по общему залу к отгороженному углу, служившему ему кабинетом.

– Как совещание?

Инспектор даже подскочил от неожиданности. Обернувшись, он увидел Кейт за ее столом.

– Я раньше работала с четвертой командой. – Девушка зевнула. – Надеюсь, они хотя бы притворились, что им интересно?

– Совещание прошло нормально, – ответил Рэй. – «Четверка» – хорошие парни, но полезно же лишний раз освежить в памяти информацию...

Рэй упрямо держал фишпондское происшествие на повестке дня уже неделю, хотя ту трагедию теснили неуклонно копившиеся новые дела. Рэй всячески мотивировал каждую дежурную смену, напоминая, что ему очень нужна их помощь.

– А что ты здесь делаешь? – Рэй выразительно постучал себя по запястью.

– Читаю ответы на обращения СМИ к населению, – отозвалась девушка, с треском чиркнув большим пальцем по уголку толстой стопки распечаток. – Хотя толку, по-моему, мало.

– Ничего стоящего?

– Голяк. Сообщения о машинах, вливающих на дороге, ханжеское осуждение недосмотра матери, ну, и психи оживились – есть даже предсказание второго Пришествия. – Кейт вздохнула. – Нам так нужна информация!

– Тут главное не сдаваться, поверь моему опыту, – посоветовал Рэй.

Кейт со стоном отъехала на стуле от бумажной горы:

– По-моему, я лишена добродетели терпения...

Рэй присел на край стола.

– Да, эту часть полицейской работы в сериалах не показывают... – он улыбнулся при виде кислого выражения лица подчиненной, – но результат того стоит. А вдруг где-то здесь кроется ключ к раскрытию дела!

Кейт с сомнением поглядела на стол. Рэй, не удержавшись, захохотал.

– Ладно, сейчас заварю чаю и помогу тебе.

Они просмотрели каждый лист, но не нашли ни капли информации, на которую надеялся Рэй.

– Ну ладно, по крайней мере, это можно вычеркнуть, – подытожил он. – Спасибо, что задержалась и подтянула этот край.

– Как считаете, мы найдем того водителя?

– Надо верить, что найдем, иначе как другие будут нам доверять? Я вел сотни дел, раскрыл не все, но всегда чувствовал – ответ где-то рядом.

– Стампи сказал, вы обратились в «Крайм уотч»?²

– Это стандартная практика при расследовании дорожно-транспортных происшествий, особенно с участием детей. Боюсь, нас ждет масса подобной работы. – Он показал на гору бумаг, годных теперь только для шредера.

² Программа телеканала «Би-би-си», посвященная розыску преступников.

– Ничего, – отозвалась Кейт, – я не против сверхурочных. В прошлом году я купила свою первую квартиру, и выплачивать ипотеку не так легко.

– Ты живешь одна? – удивился Рэй, сразу спохватившись, позволительно ли задавать подобный вопрос. В последнее время политкорректность достигла такого уровня, что даже самые невинные личные темы лучше не затрагивать. Скоро людям вообще запретят беседовать.

– В основном, – усмехнулась Кейт. – Квартиру купила сама, но мой бойфренд много времени проводит у меня. Лучшее из двух миров!

Рэй собрал пустые кружки.

– Так поезжай домой, твой парень уже теряется в догадках, где тебя носит.

– Все нормально, он шеф-повар, – отмахнулась Кейт, но все же встала. – Работает еще больше моего. А вы? Как ваша супруга выдерживает, что вы сутками пропадаете на работе?

– Раньше расстраивалась, – погромче ответил Рэй, уходя в кабинет за пальто. – Она тоже работала в полиции – нас распределили в одну смену.

В полицейском учебном центре в Райтоне-на-Дансморе развлечений не водилось, но имелся дешевый бар. Во время одного особенно невыносимого вечера с караоке Рэй увидел Мэгс в кругу приятельниц: она хохотала чьей-то байке. Увидев, что Мэгс встала и пошла заказывать всем выпить, Рэй высосал свою почти полную пинту пива в надежде утопить смущение и тоже пошел к бару. К счастью, Мэгс не страдала болезненной застенчивостью, и до конца полуторамесячного курса обучения они не расставались. Рэй с трудом удержал улыбку, вспомнив, как крался из женского корпуса в свою комнату в шесть утра.

– А вы давно женаты? – спросила Кейт.

– Пятнадцать лет. Окольцевались еще в бытность стажерами.

– Но сейчас она в полиции не служит?

– Мэгс взяла отпуск после рождения Тома, а потом подросла наша младшая, и кому-то надо было ими заниматься, – объяснил Рэй. – Люси уже девять, Том пошел в среднюю школу, и Мэгс начала подумывать о работе. Хочет переквалифицироваться в учительницу.

– А почему она так долго не работала? – В голосе Кейт слышалось искреннее удивление. Рэю вспомнилось очень похожее недоверие Мэгс, когда они оба были молодыми оперативниками. Начальница Мэгс ушла в отпуск по уходу за ребенком, и Мэгс сказала Рэю, что не видит смысла делать карьеру, если все равно придется все бросать.

– Ну, она занималась домом, семьей, – ответил Рэй с невольным чувством вины. Мэгс изначально мечтала об этом, или так распорядилась жизнь? Няньку нанимать накладно, поэтому уход жены с работы казался очевидным и логичным выходом. Рэй точно знал, что Мэгс мечтала присутствовать на всяких там школьных соревнованиях и праздниках урожая. Но способности к разыскной работе у нее ничуть не хуже, чем у него, а даже и получше, если быть честным.

– Короче, раз вы женаты на работе, приходится мириться с паршивыми условиями. – Кейт выключила настольную лампу, и они на секунду оказались в темноте. Рэй вышел в коридор, где сразу автоматически загорелся свет.

– Издержки профессии, – согласился Рэй. – А ты давно со своим парнем?

Они спустились во двор, где стояли их машины.

– Полгода, – ответила Кейт. – Для меня это рекорд – обычно я всех бросаю через несколько недель. Мама говорит, я придираюсь.

– А что в парнях не так?

– У каждого по-разному, – весело ответила девушка. – То чересчур умный, то тупой, то без чувства юмора, то законченный клоун.

– Тебе не угодишь, – усмехнулся Рэй.

Кейт сморщила нос:

– Но это же важно – найти своего человека! Месяц назад мне стукнуло тридцать, у меня уже мало времени...

На тридцать она не выглядела, но, с другой стороны, Рэй никогда не умел верно угадывать возраст. Глядя в зеркало, он до сих пор видел себя таким, как двадцать лет назад, хотя морщинки рассказывали иную историю.

Рэй полез в карман за ключами.

– Ну, ты, главное, не спеши выскакивать замуж. Там не розами усыпано, я тебя уверяю.

– Спасибо за совет, папаша.

– Э, какой я тебе папаша!

Кейт засмеялась:

– Спасибо, что помогли с бумагами. Пока, до утра.

Рэй усмехнулся, выезжая из-за «Омеги» с надписью «Полиция». Папаша, как же! Вот нахалка...

Мэгс ждала в гостиной перед телевизором. В пижамных брюках и старой фуфайке она сидела на диване, подобрав под себя ноги, как ребенок. Диктор новостей коротко повторял информацию о роковом наезде для тех бристольцев, которые умудрились пропустить ажиотаж недельной давности. Взглянув на Рэя, Мэгс покачала головой:

– Не могу перестать смотреть. Бедный ребенок...

Рэй присел рядом и взял пульт, чтобы убрать звук. Показывали старый репортаж с места происшествия, и Рэй увидел собственный затылок – они с Кейт шли к полицейской машине.

– Я знаю, – сказал он, обнимая жену за плечи, – но мы их найдем.

На экране появилось лицо Рэя крупным планом, когда он объяснял журналисту, что произошло. Интервьюер в кадр не попал.

– Считаешь, найдете? У вас есть какие-то ниточки?

– Нет, – вздохнул Рэй. – Никто не видел, как это произошло, а если и видели, молчат. Будем надеяться на криминалистов и оперативные данные.

– Может, водитель не понял, что натворил? – Мэгс выпрямилась и повернулась к мужу, нетерпеливо убрав прядь за ухо. Всю жизнь, сколько Рэй ее знал, она носила длинные прямые распущенные волосы, без челки – темные, как у Рэя, но, в отличие него, без седины. После рождения Люси Рэй попытался отпустить бородку, но через три дня побрился, когда стало ясно – лезет больше соли, чем перца. Теперь он ходил чисто выбритым и старался не обращать внимания на седые виски, которые, по словам Мэгс, придавали ему благородный вид.

– Это невозможно, – коротко ответил Рэй. – Мальчишку подбросило прямо на капот.

Мэгс не дрогнула. Волнение, которое Рэй застал по возвращении, сменилось сосредоточенностью, которую он отлично помнил по давней совместной работе.

– Кроме того, – продолжал он, – машина остановилась, сдала задним ходом и развернулась. Допустим, водитель не знал, что Джейкоб погиб, но он абсолютно точно видел, что сбил ребенка.

– У тебя больницами кто-нибудь занимается? – спросила Мэгс. – Возможно, при столкновении водитель тоже получил какие-то ушибы, и...

Рэй улыбнулся.

– Проверим, – пообещал он и встал: – Слушай, не пойми превратно, но я с утра на ногах и больше всего мечтаю выпить пива, поглядеть полчаса телевизор и завалиться спать.

– Разумеется, – сухо сказала Мэгс, – привычка – вторая натура.

– Задержим мы этого водителя! – Рэй поцеловал жену в лоб. – Рано или поздно они всегда попадают... – Он спохватился, что дал Мэгс обещание, которое не смог дать матери погибшего мальчика, потому что ничего не мог гарантировать. При ней он ограничился фразой «приложим все усилия». Оставалось надеяться, что усилий полиции окажется достаточно.

Он пошел в кухню за пивом. Мэгс расстроена из-за погибшего ребенка – пожалуй, зря он посвятил ее в детали происшествия. Ему и свои эмоции непросто держать в узде, а теперь и Мэгс места себе не находит. Надо взять себя в руки и не носить, так сказать, работу домой.

Рэй вернулся с пивом в гостиную и присел рядом с женой перед телевизором, переключив с новостей на одно из реалити-шоу, которые Мэгс любила.

Войдя в кабинет с горой папок, взятых из отдела корреспонденции, Рэй свалил ношу на свой и без того заваленный стол, отчего все посыпалось на пол.

– Блин, – сказал он, равнодушно глядя на беспорядок. Уборщица опустошила корзину для бумаг и сделала вялую попытку протереть стол, оставив, однако, пыльную кайму вокруг лотка для входящих документов. По обе стороны клавиатуры красовались чашки с остывшим кофе, а стикеры внизу на мониторе содержали телефонные сообщения разной степени важности. Рэй сорвал их и приклеил внутрь своего ежедневника, где уже имелся неоновый-розовый квадрат с требованием оценить работу своих подчиненных. Можно подумать, ему без этого делать нечего! Бюрократия, пропитывавшая теперь его работу, стала для Рэя настоящим испытанием воли. Он благоразумно не возмущался засильем канцелярщины – с недавних пор на горизонте замаячило долгожданное повышение, – но смириться не мог. Час, потраченный на обсуждение личностного роста, Рэй считал потерянным временем, особенно когда на повестке дня стояло расследование гибели ребенка.

В ожидании, пока компьютер загрузится, Рэй откатнулся на стуле, балансируя на задних ножках, и перевел взгляд на снимок Джейкоба, приколотый к дальней стене. Привычка выставлять на видном месте фотографию центральной фигуры текущего расследования осталась у Рэя с первого года работы в полиции: его тогдашний начальник ворчливо напоминал, что схватить преступника за воротник, конечно, хорошо и приятно, но нельзя забывать, «ради чего мы возимся в этом дерьме». Раньше снимки стояли на рабочем столе, пока – уже несколько лет назад – к нему не зашла Мэгс. Рэй уже не помнил, что она привезла – не то забытую им папку, не то ланч. Он ощутил раздражение оттого, что ему помешали, когда Мэгс позвонила с ресепшена, желая его удивить, но недовольство сменилось раскаянием, когда Рэй понял, что ради него жена специально сделала крюк. По дороге в кабинет мужа Мэгс зашла поздороваться с прежним начальником, теперь уже суперинтендантом.

– Наверняка тебе здесь все непривычно, – предположил Рэй, пропуская Мэгс к себе.

Она засмеялась:

– Да я будто не уходила! Девушка может уйти из полиции, но вот полиция из девушки никуда не денется...

С видимым удовольствием она ходила по кабинету, легко касаясь пальцами рабочего стола.

– Кто эта женщина? – шутливо-грозно спросила она мужа, взяв фотографию, прислоненную к снимку в рамке, где были она и дети.

– Жертва, – отозвался Рэй, мягко отбирая фото у Мэгс и снова ставя на стол. – Семнадцать ножевых ранений от бойфренда за то, что она поздно поставила чайник.

Если Мэгс и осталась шокирована, вида она не подала.

– А почему не в папке?

– Я предпочитаю ставить их на видное место, – объяснил Рэй. – Чтобы не забывать, чем я занимаюсь, ради чего работаю круглыми сутками...

Мэгс кивнула. Иногда Рэя поражало, насколько глубоко жена его понимает.

– Но только не рядом с нашим снимком, будь любезен. – Она снова взяла фотографию и огляделась. Ее внимание привлекла пробковая доска, висевшая без дела на дальней стене. Взяв булавку из банки на столе, Мэгс приколотла снимок улыбающейся погибшей в самый центр доски.

Там фотография и осталась.

Бойфренд той женщины давно отбывает срок за убийство, а снимки на пробковой доске меняются по мере открытия дел: старик, забитый до смерти несовершеннолетними грабителями, четыре женщины, изнасилованные таксистом, а теперь сияющий Джейкоб в новенькой школьной форме. И все они зависели от Рэя. Готовясь к утреннему совещанию, он просмотрел записи в своем ежедневнике, сделанные накануне. М-да, с такой информацией начинать расследование... Загрузившийся компьютер наконец пискнул, и Рэй внутренне встряхнулся. Пусть ниточек у них почти нет, но работать надо.

Около десяти часов Стампи со своей командой двинулся в кабинет Рэя, где сразу стало очень тесно. Сержант и Дейв Хиллсдон уселись на низких стульях у журнального стола, а остальные столпились у дверей или прислонились к стене. Третий стул остался незанятым из молчаливой дани рыцарству, и Рэй, пряча усмешку, отметил, что Кейт осталась стоять рядом с Малколмом Джонсоном. Отдел временно усилили двумя полицейскими из патрульных, которым было непривычно и неловко в одолженных костюмах, и Филом Крокером, экспертом из отдела расследований дорожных происшествий.

– Всем доброе утро, – начал Рэй, – я вас надолго не задержу. Позвольте представить вам Брайана Уолтона из первой бригады и Пэта Брайса из третьей. Мы рады, что вы с нами, ребята, работы прорва, подключайтесь. – Брайан и Пэт кивнули. – Ладно, цель сегодняшнего совещания – еще раз повторить, что мы знаем о наезде в Фишпондс, и напомнить наши дальнейшие действия. Как вы сами понимаете, начальство насаждает насчет раскрытия этого дела хуже чесотки... – Рэй заглянул в ежедневник, хотя и помнил записи наизусть: – В шестнадцать двадцать восемь двадцать шестого ноября девяносто девятого года, понедельник, операторы приняли звонок от женщины, проживающей на Энфилд-авеню. Свидетельница слышала на улице громкий удар и крик. Когда она выбежала из дому, все уже было кончено: над лежавшим на дороге Джейкобом склонилась безутешная мать. «Скорая» приехала через шесть минут, медикам оставалось только констатировать смерть на месте происшествия.

Рэй помолчал, давая присутствующим проникнуться серьезностью дела. Он взглянул на Кейт, но та стояла с бесстрастным видом, и Рэй не знал, радоваться или огорчаться тому, что она так быстро учится сдержанности. Посторонний, окажись он сейчас в кабинете, мог бы предположить, что полиции и дела нет до смерти маленького мальчика, но Рэй знал – случившееся потрясло все управление. Он продолжал:

– Месяц назад Джейкобу Джордану исполнилось пять лет, незадолго до этого он начал учиться в школе Сент-Мэри на Бекет-стрит. В день аварии Джейкоб был в группе продленного дня, где работает его мать. Согласно ее показаниям, они возвращались домой и разговаривали. Она на секунду выпустила руку Джейкоба, и мальчик кинулся бежать через дорогу к дому. Из того, что она сказала, можно сделать вывод, что Джейкоб уже делал так раньше – он еще не научился переходить через улицу по правилам, и мать всегда вела его за руку... – Кроме того раза, прибавил Рэй про себя. Отвлеклась буквально на секунду, чуть-чуть ослабила бдительность – и теперь будет казниться до конца дней. Рэй невольно содрогнулся.

– Она успела разглядеть машину? – спросил Брайан Уолтон.

– Практически нет. По ее словам, автомобиль не только не тормозил, а наоборот, набрал скорость перед тем, как сбить Джейкоба, и едва не зацепил ее саму. Кстати, она действительно не устояла на ногах, упала и получила ушибы. Снимавшие показания полицейские обратили внимание на ее травмы, но от медицинской помощи женщина отказалась. Фил, можешь рассказать нам, что удалось собрать на месте происшествия?

Единственный в форме из собравшихся в кабинете, Фил Крокер работал в отделе расследований ДТП и со своим многолетним опытом был у Рэя незаменимым специалистом по любым происшествиям на проезжей части.

– Да почти ничего, – пожал плечами Фил. – В дождь тормозной след не остается, так что я не смогу назвать вам примерную скорость или сказать, старался водитель избежать столкновения или нет. Нам достался обломок пластикового экрана фары, найденный метрах в двадцати от места наезда; эксперт подтвердил, что это от противотуманки «Вольво».

– Ну, хоть что-то, – отозвался Рэй.

– Подробное описание я передал Стампи, – продолжал Фил. – Кроме этого, боюсь, у нас пусто.

– Спасибо, Фил. – Рэй снова углубился в свои записи: – В заключении патологоанатома сказано, что мальчик скончался от тупой травмы, следствием которой стали множественные переломы и разрыв селезенки.

Рэй лично присутствовал на вскрытии – не столько потому, что хотел лично проследить за расследованием на всех этапах, сколько потому, что не хотел оставлять Джейкоба одного в холодной мертвецкой. Он смотрел и не видел, избегая глядеть в лицо мертвого ребенка и сосредоточившись на информации, которую главный патологоанатом выдавал отрывистыми фразами. Они оба вздохнули с облегчением, когда вскрытие было закончено.

– Судя по направлению удара, наезд совершен небольшим автомобилем, минивэны и внедорожники можно исключить. Патологоанатом извлек из тела Джейкоба фрагменты стекла, но, насколько я понял, их невозможно отнести к определенной марке машины – так, Фил, или нет? – Рэй взглянул на эксперта.

– Автомобильное стекло вещь стандартная, – кивнул Фил. – Если бы у нас был преступник, в его одежде нашлись бы мелкие частицы этого стекла – от них почти невозможно избавиться. Однако на месте наезда осколков нет, значит, лобовое стекло от удара треснуло, но не разлетелось. Найдите мне машину, и мы сравним ее стекла с фрагментами, найденными на жертве, но вот без машины...

– Ну, зато понятно, автомобиль с какими повреждениями мы ищем. – Рэй попытался найти хоть что-то положительное в коротеньком заключении экспертов. – Стампи, расскажи, что уже сделано на сегодняшний день?

Сержант поглядел на стену, где ход расследования был отражен целой серией схем, таблиц и флипчартов, каждая со списком необходимых действий.

– Поквартирный обход произведен в ночь аварии и на следующий день разными сменами. Несколько жителей слышали, по их выражению, «громкий удар» и крик, но саму машину никто не видел. Патрульные на подъезде к школе говорят с родителями, которые привозят детей, жителям Энфилд-авеню разосланы письма с просьбой свидетелям, если таковые отыщутся, связаться с нами. На обочинах выставлены плакаты – Кейт разбирается со звонками, которые поступают от прочитавших.

– Что-нибудь полезное есть?

Стампи покачал головой:

– Дело дрань, босс.

Рэй игнорировал его пессимизм.

– Когда выйдет выпуск «Крайм уотч»?

– Завтра вечером. Мы подготовили реконструкцию, а они с помощью компьютерной графики покажут, как может выглядеть машина; комментарий писали мы совместно с их ведущим.

– Мне нужно, чтобы завтра кто-то задержался и принимал звонки после эфира, – сказал Рэй. – Остальное в темпе вальса. – Возникла пауза. Рэй выжидательно оглядел подчиненных: – Кто готов?

– Я могу, – приподняла руку Кейт, заслужив признательный взгляд начальника.

– А что насчет разбитой противотуманки? – вспомнил он.

– В «Вольво» нам назвали артикул детали, у нас уже есть список гаражей, куда такую запчасть отправляли за последние десять дней. Я дал задание Малколму обзвонить все мастерские, начиная с местных, и узнать номера автомобилей, которым делали «жестянку» начиная с того дня.

– Ладно, давайте будем учитывать гипотетическую «Вольво», но это всего лишь одна улика, нет никакой уверенности, что виновник скрылся именно на «Вольво». Кто занимается записями уличных видеокамер?

– Мы, босс, – поднял руку Брайан Уолтон. – Изъяли все видеозаписи с муниципальных камер видеонаблюдения, плюс на офисах и на заправках. Отбирали материал за полчаса до наезда и полчаса после, но все равно получается несколько сотен часов, которые надо отсматривать...

Рэй содрогнулся, представив сумму сверхурочных и трещащий по швам бюджет отдела.

– Дайте мне список видеокамер, – велел он. – Нечего обнимать необъятное, продумайте, что смотреть в первую очередь, а что в последнюю.

Брайан кивнул.

– Ну вот, уже есть с чем работать. – Рэй уверенно улыбнулся, скрывая свои опасения. Прошло уже две недели с «золотого часа» после аварии, когда шансы на поимку виновника наиболее высоки, однако его люди, работая на пределе сил, не добились ни малейшего прогресса. Он помолчал, прежде чем сообщить плохую новость: – Думаю, я никого из вас не удивлю, что все отпуска отменены вплоть до особого распоряжения. Со своей стороны обещаю сделать все, что в моих силах, чтобы на Рождество вы успели немного побыть в кругу семьи.

С недовольным ропотом все потянулись из кабинета, но никто не жаловался, в чем Рэй и не сомневался. Хотя на брифинге этого не прозвучало, все наверняка подумали: каким станет Рождество для матери Джейкоба Джордана?

Глава 4

Моя решимость ослабевает почти сразу же, как Бристоль остается позади. Я не задумывалась, куда поеду, и наугад выбрала западное направление, вспомнив о Девоне и Корнуолле. Я с грустью думаю о детстве и каникулах, песчаных замках, которые мы строили с Евой, липкие от мороженого на палочке и крема от загара. Воспоминания тянут меня к морю, отвратив от обсаженных деревьями авеню Бристоля и его автомобилей. Я буквально обмираю от страха при виде машин, которым непременно надо обогнать автобус на остановке. Я бесцельно кружила некоторое время по автовокзалу и наконец протянула десять фунтов продавцу в киоске возле «грейхаундов», которого не более заботило, куда я уезжаю, чем меня саму.

Мы переезжаем Севернский мост, и я смотрю вниз на бурлящую зеленовато-серую воду Бристольского залива. Междугородний автобус тих и анонимен, здесь никто не читает «Бристоль пост», никто не говорит о Джейкобе. Я обмякла в кресле; я измучена, но не осмеливаюсь закрыть глаза. Когда я сплю, меня преследуют картины и звуки аварии и сознание, что если бы я оказалась у того перехода на несколько минут раньше, ничего бы не случилось.

«Грейхаунд» направляется в Суонси. Я украдкой разглядываю попутчиков. В основном едут студенты, заткнувшие уши наушниками и погруженные в чтение журналов. Женщина моего возраста просматривает газеты, делая аккуратные пометки на полях. Жить в Бристолье и ни разу не побывать в Уэльсе, конечно, просто несуразно, но теперь я рада, что у меня там нет никаких связей. Прекрасное место для того, чтобы начать все заново.

Я выхожу последней и дожидаюсь, пока автобус отъедет от остановки. Адреналиновая решимость уехать превратилась в туманное воспоминание; теперь, когда я забралась аж в Суонси, я понятия не имею, что делать дальше. На тротуаре сутуло сидит человек; он поднимает глаза и бормочет нечто невразумительное. Я пячусь. Не могу здесь оставаться и не знаю, куда идти, поэтому просто шагаю вперед. Я играю сама с собой: поверну налево, неважно куда; затем направо; а на первом перекрестке пойду прямо. Я не смотрю на названия улиц, просто на каждом пересечении выбираю самую узкую, непроезжую и малолюдную. Я чувствую себя словно в бреду, на грани истерики: что я делаю? Куда иду? Может, вот так и сходят с ума? И вдруг наступает осознание – мне все равно. Это уже неважно.

Я прохожу много миль – Суонси остается далеко позади – и буквально вжимаюсь в живую изгородь, когда мимо проезжают машины, становясь все более редкими к ночи. Дорожную сумку я несу как рюкзак, лямки продавили на плечах глубокие борозды, но я иду, не сбавляя темпа. Слыша только свое дыхание, я постепенно успокаиваюсь. Я не позволяю себе думать о случившемся или о том, куда я иду, а просто шагаю. Вынимаю телефон из кармана и, не взглянув, сколько там пропущенных звонков, бросаю его в кювет с собравшейся водой. Это последнее, что соединяло меня с моим прошлым; почти сразу на душе становится легче.

Натруженные ноги болят, и я понимаю, что если остановлюсь и прилягу на обочине, то уже не поднимусь. Я начинаю идти медленнее, и тут слышу машину сзади. Я отступаю на травянистую обочину и отворачиваюсь от дороги, пропуская автомобиль, но вместо того чтобы скрыться за поворотом, он останавливается метрах в пяти впереди. До меня доносится слабое шипение тормозов и запах выхлопных газов. Я разворачиваюсь и стремглав бросаюсь бежать, не разбирая дороги. Сумка колотит по спине. Я бегу неуклюже, свежие мозоли трутся о ботинки, струйки пота стекают по груди и спине. Автомобиля больше не слышно, и когда я оглядываюсь – при этом меня шатнуло так, что я чуть не упала, – машины не видно.

Я глупо стою посреди пустого шоссе. Я так устала и проголодалась, что не могу мыслить связно. Я уже не уверена, была машина или же я мысленно перенесла на эту заброшенную дорогу визг резины на мокром асфальте, который стоит у меня в ушах.

Сгущаются сумерки. Я уже на побережье: я ощущаю соль на губах и слышу, как волны разбиваются о берег. На указателе написано «Пенфач»; вокруг так тихо, что, идя по деревне и поглядывая на опущенные шторы, лишний заслон от зимней стужи, я чувствую себя непрошеной гостьей. Лунный свет плоский и белый, в нем все кажется двухмерным. Моя тень впереди все удлиняется, пока я не начинаю казаться непомерно высокой. Я дохожу до самой бухты, где скалы обступили полосу песка, словно защищая ее, и спускаюсь по петливой тропинке. Но тени обманчивы, лунный свет неверен, и я поскользнулась на сланце, испугавшись ощущения пустоты под ногами. Я вскрикиваю, теряю равновесие из-за непривычной тяжести моего импровизированного рюкзака, падаю и скатываюсь до самого пляжа. Подо мной хрустит влажный песок. Я осторожно вдыхаю, прислушиваясь, где проснется боль, но боли нет, я ничего не повредила. У меня мелькает мысль – может, я стала невосприимчивой к боли? Может, человеческий организм не приспособлен выдерживать двойную – физическую и эмоциональную – муку? Рука еще саднит, но как-то отстраненно, будто чужая.

Меня охватывает острое желание что-нибудь почувствовать – что угодно. Я скидываю обувь, несмотря на холод, и чувствую подошвами песок. Небо чернильно-черное, полная луна тяжело нависает над морем, и ее двойник отражается в волнах мерцающими дольками. Я не дома. Это самое важное. Здесь ничто не напоминает дом. Плотнее завернувшись в куртку, я сажусь на сумку, спиной к твердой скале, и жду.

Когда наступает рассвет, я понимаю, что, должно быть, заснула: мое оцепенение было нарушено шумом волн, надвигавшихся на берег. С трудом вытянув ноющие, замерзшие ноги, я встаю поглядеть на ярко-оранжевое сияние, разливающееся над горизонтом. Выглядывает солнце, но в нем нет тепла; меня сотрясает дрожь. Да, план бегства оказался совсем непродуманным.

Узкую тропинку легче одолеть при свете, и теперь я вижу, что местность не безлюдна: всего в полумиле стоит одноэтажное здание, приземистое и утилитарное, а за ним аккуратные ряды домиков-трейлеров. Начинать новую жизнь здесь ничуть не хуже, чем в любом другом месте.

– Доброе утро, – говорю я. Голос звучит неожиданно тонко в относительно тепле маленького магазина. – Я ищу, где можно остановиться пожить.

– В отпуск приехали? – Полная грудь женщины покоится на журнале «Отдохни». – Сезон-то вроде не отпускной. – Улыбка убирает колкость из ее слов, и я стараюсь улыбнуться в ответ, но не получается.

– Я надеюсь сюда переехать, – удается мне выговорить. Представляю, как я, должно быть, выгляжу: неумытая и нечесаная. Зубы у меня стучат, тело бьет неподконтрольная дрожь: я совсем продрогла.

– А, тогда понятно, – весело говорит женщина, кажется, ничуть не смущенная моим видом. – Значит, подыскиваете что снять? Но мы-то закрыты до конца зимы, до марта только магазин работает, так что вам нужен Йестин Джонс со своим коттеджем. Я ему позвоню. Звонить, или сперва чаю выпьете? Снаружи-то холодно, и вид у вас замерзший.

Она подводит меня к табурету за прилавком и скрывается в соседней комнате, не прекращая бойкий разговор, перекрывая шум закипающего чайника.

– Я Бетан Морган, – рассказывает она, – это мой магазин и трейлерный парк. А Глинн, мой муж, занимается фермой. – Она высунулась в дверь и улыбнулась: – Вернее, бьется с ней, ведь фермерствовать сейчас стало ох как нелегко... Стоп, я же хотела Йестину позвонить!

Не дожидаясь ответа, Бетан снова скрывается из виду, пока я мнусь, придумывая ответы на неизбежные вопросы. Внутри меня точно растет воздушный шарик, становясь все больше и жестче.

Но Бетан, вернувшись, ни о чем не спрашивает: ни когда я приехала, ни отчего выбрала Пенфач, ни даже откуда я. Она подает мне щербатую чашку сладкого чая и втискивается на соседний стул. На Бетан столько разной одежды, что разглядеть или даже угадать ее фигуру невозможно, однако подлокотники кресла неудобно врезаются ей в бока. Про себя я предполагаю, что ей за сорок, однако гладкое круглое лицо делает ее моложе. Ее длинные темные волосы стянуты в хвост. Шнурованные ботинки под длинной черной юбкой, несколько футболок, а сверху – вязаный кардиган длиной до щиколоток, края которого задевают сейчас пыльный пол. Сгоревшая ароматическая палочка оставила на подоконнике полоску пепла, и в воздухе витает стойкий пряный запах. К старомодной касе на прилавке привязана мишура.

– Йестин едет, скоро будет, – сообщает Бетан, выставя на прилавок третью кружку с чаем. Значит, Йестин, кто бы он ни был, появится через несколько минут.

– А кто этот Йестин? – спрашиваю я, соображая, не совершила ли ошибку, приехав в деревню, где все друг друга знают. Надо было ехать в крупный город, там сплошная анонимность.

– У него ферма на другом конце Пенфача, – отзывается Бетан. – А здесь он пасет своих коз – на склонах и на берегу. Если поселиться в коттедже, будем соседками, но у него, сразу скажу, не дворец, – смеется она. Я невольно улыбаюсь. Прямота Бетан напоминает мне Еву, хотя, подозреваю, моя стройная модница-сестрица пришла бы в ужас от такого сравнения.

– Мне много и не надо, – отвечаю я.

– Йестин молчун. Если поговорить, то это не к нему, – предупреждает Бетан, словно я могу из-за этого огорчиться. – Но человек хороший. Овец своих держит рядом с нашими. – Она неопределенно машет в противоположную от моря сторону. – Как и всем в Пенфаче, ему не помешает лишняя тетива на луке... Как это теперь называется, диверсификация? – Бетан презрительно фыркает. – Йестин сдает дачный домик в Пенфаче и коттедж Блэйн Сэди на отшибе.

– Считаете, именно в коттедже мне захочется поселиться?

– Если поселитесь, будете первая за долгое время.

От мужского голоса я вздрагиваю и оборачиваюсь. На пороге стоит худощавый человек.

– Все не так плохо! – вмешивается Бетан. – Пей вот чай, а потом отвези леди поглядеть коттедж.

Лицо у Йестина такое загорелое и морщинистое, что глаза совершенно исчезают в складках. Одежды не разглядеть под запыленным синим рабочим комбинезоном с длинными полосами от грязных пальцев, вытертых о бедра. Он прихлебывает чай через желтые от табака усы и оценивающе разглядывает меня.

– Для большинства Блэйн Сэди слишком далеко от дороги, – говорит он с сильным акцентом, искажающим слова. – Не хотят сумки таскать.

– А можно взглянуть? – Я встаю, вдруг очень захотев, чтобы этот всеми отвергнутый, заброшенный коттедж стал тем решением, которое я ищу. Йестин продолжает пить чай, прополаскивая зубы каждым глотком, прежде чем проглотить. Наконец, удовлетворенно выдохнув, он выходит из магазина. Я гляжу на Бетан.

– Что я говорила? Молчун, – смеется та. – Идите, он ждать не будет.

– Спасибо за чай.

– На здоровье. Приходите в гости, когда устроитесь.

Я машинально обещаю, хотя и знаю, что не сдержу слова, и спешу на улицу. Йестин уже сидит, широко расставив ноги, на квадроцикле, облепленном коркой грязи.

Я отступаю. Не ждет же он, что я усядусь сзади? На квадроцикл с человеком, которого знаю меньше пяти минут?

– Это единственный способ передвигаться по округе, – кричит Йестин, перекрывая шум мотора.

Голова у меня идет кругом. Я пытаюсь уравновесить практическую необходимость посмотреть сдаваемый в аренду коттедж и страх, от которого ноги приросли к земле.

– Ну, садитесь уже, если едете!

Я заставляю себя сдвинуться с места и с опаской усаживаюсь на сиденье квадроцикла. Поручней никаких нет, держаться за Йестина я не собираюсь, поэтому вцепляюсь в сиденье, когда он дает газу, и квадроцикл стрелой летит по неровной прибрежной дорожке. Справа внизу тянется бухта – прилив достиг своего пика, волны разбиваются о скалы, но когда мы доезжаем до тропинки, спускающейся к пляжу, Йестин отворачивает от моря. Он что-то кричит через плечо и призывает меня глядеть в другую сторону. Квадроцикл подскакивает на неровной земле, а я выискиваю глазами то, что, как надеюсь, станет моим новым домом.

Блэйн Сэди, который Бетан отрекомендовала коттеджем, выглядит едва ли не пастушьей хижинкой. Когда-то беленые стены давно проиграли борьбу с непогодой, превратившись в грязно-серые. Деревянная дверь кажется непропорционально огромной по сравнению с крошечными окошками, глядящими из-под карнизов. Слуховое окно свидетельствует о наличии второго этажа, для которого, по-моему, просто нет места. Мне сразу становится ясно, отчего Йестин никак не мог сдать это жилье даже в разгар сезона: самые креативные риелторы не смогли бы скрыть сырость, поднимающуюся от земли по наружным стенам, или недостающую черепицу на крыше.

Пока Йестин сражается с замком, я стою спиной к коттеджу, оглядывая побережье. Я думала, что отсюда будет виден трейлерный парк, но тропа спускается сюда от берега, и коттедж стоит в небольшом естественном углублении. Бухты тоже не видно, хотя я слышу, как море яростно бьется о скалы, – три стука сердца до очередной волны. В небе кружат чайки, и их пронзительные крики напоминают мяуканье котят. Я невольно вздрагиваю, очень захотев оказаться под крышей.

Комната первого этажа едва двенадцати футов длиной. Грубо сколоченный деревянный стол, отделяющий гостиную от вытянувшейся вдоль стены кухоньки, приходится как раз под огромной дубовой балкой.

Наверху спальня и тесная уборная с сидячей ванной. В пятнистом от старости, потрескавшемся зеркале я вижу свое искаженное отражение. Моя бледная кожа, какая часто бывает у рыжих, в тусклом освещении выглядит почти прозрачной, мертвенно-белой, особенно по контрасту с медно-красными волосами, падающими на плечи. Я поспешно спускаюсь на первый этаж. Йестин складывает дрова у очага. Закончив, он переходит на другой конец комнаты и останавливается у плиты.

– Она малость с характером, это как водится, – признает он, открывая духовку с грохотом, от которого я подскакиваю.

– Можно мне снять этот коттедж? – прошу я. – Пожалуйста?

В моем голосе звучит отчаяние. Представляю, что Йестин обо мне думает.

Он глядит на меня с подозрением:

– Вам есть чем платить-то?

– Да, – твердо отвечаю я, хотя не представляю, насколько хватит моих накоплений и куда я пойду, когда деньги закончатся.

Йестина мой ответ не убеждает.

– А кем вы работаете?

Я думаю о моей студии с ковром из глиняных черепков. Рука болит уже меньше, но пальцы так плохо слушаются, что я, пожалуй, не смогу ваять. Если я больше не скульптор, кто же я тогда?

– Я художница, – отвечаю я наконец.

Йестин хмыкает, будто это все объясняет.

Мы договариваемся о цене, которая, хоть и крошечная, вскоре истощит мои скромные сбережения. Но на несколько месяцев этот тесный каменный домик мой, и я вздыхаю с облегчением оттого, что мне есть где жить.

Йестин пишет номер своего мобильного на обороте квитанции, вытащенной из кармана.

– Плату можете относить к Бетан, если хотите. – Кивнув мне, он шагает к своему квадроциклу, который заводится с жутким ревом.

Проводив Йестина взглядом, я запираю дверь, протащив по ушкам упрямый засов. Хотя день солнечный, я бегу наверх закрыть шторы в спальне и захлопнуть приоткрытое окошко в ванной. На первом этаже портьеры застревают на металлическом карнизе, будто отвыкли двигаться, и я дергаю сильнее, отчего в воздух поднимаются клубы пыли. Стекла дрожат от ветра, и шторы почти не защищают от ледяного холода, сочащегося через плохо подогнанные рамы.

Я сижу на диване, слушая звук своего дыхания. Шум волн сюда не долетает, но жалобные крики одинокой чайки похожи на плач ребенка, и я зажимаю уши руками.

Меня одолевает усталость, и я сворачиваюсь в комок, обхватив колени и уткнувшись лицом в грубую ткань джинсов. Я чувствую, как изнутри нарастает давление, но шквал эмоций обрушивается на меня с неожиданной силой, лишив на время дыхания. Горе кажется почти физической мукой, и непонятно, почему я еще жива, отчего сердце, разорванное на части, продолжает биться. Я стараюсь воскресить в памяти его образ, но стоит мне закрыть глаза, как я вижу безжизненное тельце у себя на руках. Я его отпустила. В жизни себе не прощу.

Глава 5

– Шеф, есть время потолковать насчет фишпондского наезда? – спросил Стампи, сунув голову в дверь. За его спиной маячила Кейт.

Рэй поднял голову. За три месяца расследование постепенно отошло на второй план, уступив место другим, более срочным делам. Пару раз в неделю на совещаниях Рэй все равно проходил по списку мероприятий, но звонки давно перестали поступать, и новой информации не было уже несколько недель.

– Конечно.

– Мы не можем отыскать мать Джейкоба, – едва усевшись, сказал Стампи.

– То есть?

– Буквально. Мобильный выключен, в доме пусто. Будто испарилась женщина.

Рэй перевел взгляд на Кейт, сидевшую с неловким видом.

– Скажи мне, что это шутка!

– Если шутка, то непонятно, когда смеяться, – отозвалась та.

– Она же наша единственная свидетельница! – взорвался Рэй. – Не говоря уже о том, что она мать жертвы! Как, блин, вы умудрились ее потерять?

Кейт покраснела, и Рэй заговорил спокойнее:

– Расскажите, что конкретно произошло.

Кейт поглядела на Стампи. Тот кивнул.

– После пресс-конференции она была нам особо не нужна, – начала Кейт. – Показания ее сняли, допросить допросили, ну и оставили ее на попечение отдела по связям с семьей...

– Кого именно к ней прикрепили? – спросил Рэй.

– Констебля Диану Хит, – после паузы ответила Кейт. – Из дорожной полиции.

Рэй записал имя в свой синий ежедневник и выжидательно поднял глаза.

– На днях Дайана заходила проверить, как там мать Джейкоба, но та куда-то смылась.

– Соседи что сказали?

– Она с соседями мало общалась, и где ее искать, через них не передавала. Как она уехала, тоже никто не видел. Будто в воздухе растворилась.

Кейт снова взглянула на Стампи. Рэй прищурился.

– Что-то недоговариваете?

Стампи, помявшись, ответил:

– На местном интернет-форуме имела место жесткая негативная реакция – кто-то взбаламутил чат, назвав ее плохой матерью.

– Травлю пытались начать, что ли?

– Ну, примерно. Контент сразу удалили, но я попросил айтишников найти и восстановить кэшированные файлы... Но это не все, босс. Судя по всему, полицейские, допрашивая ее сразу после аварии, перегнули палку. Типа, проявили черствость. Возможно, мать Джейкоба решила, что мы считаем ее ответственной за смерть мальчишки и не станем париться и искать водителя.

– Господи, – простонал Рэй, подумав, что начнется, если это дойдет до начальницы. – Мать жертвы хоть раз высказывала свое недовольство работой полиции?

– Это первое, что нам передала Диана, – отозвался Стампи.

– Свяжитесь со школой, – велел Рэй. – Кто-то наверняка поддерживает с ней контакт. Опрсите клиники общей практики – их в районе не больше двух-трех, с ребенком она наверняка вставала на учет, – может, они переслали ее медкарту по новому адресу!

– Будет сделано, босс.

– И боже упаси проговориться «Пост», что мы ее потеряли, – криво улыбнулся Рэй. – Иначе Сьюзи Френч не устанет прохаживаться на наш счет.

Стампи и Кейт сидели с мрачными лицами.

– Кроме потери главной свидетельницы, есть еще что-нибудь существенное?

– С запросами в соседние округа тоже тупик, – ответила Кейт. – Пара угнанных машин засветились на нашей территории, но и только. Я проверила все автомобили, на которые сбавывали дорожные камеры, и побывала во всех автосервисах Бристоля – никто ничего подозрительного не вспомнил. По крайней мере, мне не признались.

– Что у Брайана и Пэта по записям с уличных камер?

– У них уже глаза квадратные, – хмыкнул Стампи. – Проверили полицейские камеры и городские, теперь смотрят записи с заправок. Вроде выделили одну и ту же машину, попавшую на три разные камеры, – выехала с Энфилд-авеню через несколько минут после наезда. Автомобиль предпринял две рискованные попытки обгона, затем скрылся за пределами зоны охвата камер и больше не появлялся. Ребята стараются разглядеть, что это за машина, хотя пока ее ничто не связывает с происшествием...

– Отлично, спасибо за новости. – Рэй поглядел на часы, скрывая разочарование: расследование сильно буксовало. – Вы пока двигайте в паб, а я позвоню суперинтенданту и приду через полчаса.

– Вот это дело, – повеселел Стампи, которого никогда не приходилось уговаривать пропустить пинту-другую. – Кейт, идешь?

– Почему бы и нет, – отозвалась она. – Если вы платите...

В «Голову кобры» Рэй добрался только через час – Кейт и Стампи уже взяли себе по второй. Рэй завидовал их способности переключаться: беседа с суперинтендантом оставила неприятный холодок под ложечкой. Вышестоящий офицер разговаривал довольно вежливо, но на его лице было написано предельно ясно: дело о наезде надо закрывать. В пабе оказалось тепло и тихо, и Рэю очень захотелось научиться отодвигать работу в сторону и говорить о футболе, погоде – о чем угодно, лишь бы не о пятилетнем погибшем и неуловимой машине.

– Очень, очень ждал вашего прихода, – пробурчал Стампи.

– Бумажник, что ли, дома забыл? – И Рэй подмигнул Кейт: – Чудеса не заканчиваются. – Он заказал себе пинту горького пива и вернулся, бросив на стол три пакета чипсов.

– Что вам сказал суперинтендант? – спросила Кейт.

Рэй не мог пропустить вопрос мимо ушей и лгать тоже не хотел, поэтому отпил пива, выигрывая время. Кейт смотрела на него с надеждой: девушке явно хотелось услышать, что им выделят дополнительные ресурсы или увеличат бюджет. Жаль ее разочаровывать, но деваться некуда.

– Признаться, ничего приятного. У нас забирают Брайана и Пэта.

– Что?! Почему? – Кейт резко поставила бокал, едва не выплеснув пиво.

– Нам и так повезло, что они взяли на себя просмотр видеозаписей, – ответил Рэй. – Но в транспортном отделе не могут до бесконечности ставить им замену. Горькая правда в том, что нам нечем оправдать расходы. Мне очень жаль, – добавил он, будто сам принял такое решение, но Кейт все равно еле сдерживала возмущение.

– Нельзя же вот так все бросить! – Взяв подставку для пива, она принялась крошить ее с краю.

Рэй вздохнул. Трудно найти какой-то разумный баланс между ограниченным бюджетом полицейского управления и ценой жизни ребенка. В какую сумму прикажете ее оценить?

– Мы и не бросаем, – возразил он. – Ты ведь ищешь ту противотуманку, верно?

Кейт кивнула:

– За неделю после трагедии такие фары меняли у семидесяти трех машин. Все страховые случаи оказались чистыми, сейчас ищу среди зарегистрированных владельцев, кто оплатил ремонт частным порядком.

– Видишь? Кто знает, что удастся накопать! Мы лишь немного сбавим обороты. – Рэй тщетно поглядывал на Стампи в поисках поддержки.

– Начальство интересуют только быстрые результаты, Кейт, – буркнул сержант. – Если за пару недель, а еще лучше за два дня дело не раскрыто, его вычеркивают из списка первоочередных и вписывают другие.

– Да все понятно, – согласилась Кейт, – но от этого не легче. – Она сгребла крошки от подставки в кучку посередине стола. Рэй заметил, что ногти у девушки не покрашены и нещадно, до мяса, обкусаны. – У меня ощущение, что недостающий кусочек головоломки совсем рядом, а мы смотрим и не видим!

– Может, ты и права, – сказал Рэй, – но пока над этим делом придется работать в свободное время. Медовый месяц закончился.

– Я собиралась отправить запрос в Королевскую больницу, – поделилась Кейт. – Возможно, водитель получил какие-то травмы при столкновении – от того же ремня безопасности, например. После аварии мы посылали патрульную машину в отделение «Скорой», но вдруг водитель не сразу обратился за помощью?

– Хорошая мысль, – одобрил Рэй. От слов Кейт у него шевельнулись какие-то смутные соображения, но мысль ушла, так и не оформившись. – Не забудь про Саутмид и Френчей... – Мобильный, лежавший на столе экраном вниз, завибрировал. – Черт! – не удержался Рэй, прочитав сообщение.

Кейт поглядела на него с удивлением, Стампи – с усмешкой:

– Что на этот раз забыл?

Рэй поморщился, но объяснять не стал. Залпом допив пиво, он вынул десятку и подал Стампи:

– Возьмите себе еще по одной, а я поехал.

В кухне Мэгс ставила тарелки в посудомойку, гремя ими так, что Рэй вздрогнул. Волосы жены были заплетены в небрежную косу, и щеголяла она сегодня в старых спортивных брюках и ношенной футболке Рэя. Он невольно задался вопросом, давно ли Мэгс махнула на себя рукой, но сразу возненавидел себя за эту мысль. Не ему выступать по этому поводу.

– Прости меня, пожалуйста, – начал он. – Я совершенно забыл.

Мэгс открыла бутылку красного вина. Она выставила только один бокал, но Рэй счел неразумным это подчеркивать.

– Я очень редко прошу тебя где-то быть в определенное время, – сказала она. – Конечно, иногда работа важнее, но встреча была запланирована две недели назад. Две! И ты обещал, Рэй!

Голос ее задрожал, и Рэй нерешительно обнял жену за плечи.

– Мэгс, ну, извини меня. Что, все было так плохо?

– Нормально. – Дернув плечом, Мэгс сбросила руку Рэя и села за кухонный стол, сделав большой глоток вина. – Ничего плохого не сказали, за исключением того, что Том осваивается в школе не так хорошо, как другие дети, и педагоги за него волнуются.

– И какие же меры предприняли эти педагоги? – Рэй вынул бокал из шкафчика, налил себе и подсел к Мэгс. – Наверное, поговорили с учеником?

– Том, разумеется, ответил, что все в порядке, – пожала плечами жена. – Миссис Хиксон всячески старается его мотивировать, добиться от него активности на уроках, но он молчит как рыба. Она спросила меня, может, он у нас просто робкий или тихоня?

– Тихоня? Том? – фыркнул Рэй.

– Вот именно. – Мэгс поглядела на Рэя. – Ты бы мне там очень пригодился.

– Совсем из головы вон. Прости, Мэгс, очень загруженный день, а потом я зашел в бар.

– Со Стампи?

Рэй кивнул. Мэгс обожала Стампи, крестного Тома, и относилась к их с Рэем заходам в паб с терпением жены, понимающей потребность мужа в чисто мужской компании. О Кейт Рэй не упомянул, сам не зная почему.

Мэгс вздохнула:

– И что нам делать?

– Все будет нормально. Мэгс, это новая школа, детям всегда трудно переходить в среднюю из начальной. Том долгое время был большой рыбой в маленьком пруду, а теперь приходится плавать с акулами. Я с ним поговорю.

– Только нотаций ему не читай...

– Я вообще не читаю нотаций!

– ...от этого только хуже будет.

Рэй прикусил язык. Они с Мэгс являлись прекрасной командой, но подход к воспитанию у них диаметрально отличался: Мэгс была гораздо мягче с детьми и всячески их опекала, тогда как Рэй предпочитал дать сыну и дочери возможность вкушать самостоятельности.

– Ладно, не буду, – пообещал он.

– В школе предложили посмотреть, как пойдет дело в ближайшие два месяца, и снова собраться всем вместе через пару-тройку недель после каникул. – Мэгс демонстративно поглядела на Рэя.

– Назови дату, и я там буду, – клятвенно пообещал он.

Глава 6

Отблеск фар на мокром асфальте ослепляет каждые несколько секунд. Люди спешат мимо по скользкому тротуару, проезжающие машины обдают пешеходов веером брызг. Горы опавших листьев промокишими грудами лежат у ограждения: яркие цвета поблекли до тускло-бурого.

Пустая дорога.

Джейкоб бежит.

Визг покрышек тормозящей машины, глухой удар о капот и бессильное сползание уже мертвого Джейкоба на дорогу. Паутина трещин на лобовом стекле. Кровь, собирающаяся под головой мальчика. Одинокое белое облачко дыхания.

Вопль пререзает мой сон, и я, вздрогнув, просыпаюсь. Солнце еще не взошло, но в спальне горит свет: я теперь не могу находиться в темноте. Сердце бьется тяжело и часто. Я сосредотачиваюсь на том, чтобы дышать ровно.

Вдох-выдох.

Вдох-выдох.

Тишина давит, а не успокаивает, поэтому в мякоти ладоней остаются полукруглые следы ногтей, пока я жду, когда уляжется паника. Сны становятся все отчетливее и правдоподобнее: я ясно вижу его и слышу отвратительный треск, с которым голова ударяется об асфальт...

Кошмары начались не сразу, но теперь они не желают униматься. Каждую ночь я лежу в кровати, борясь со сном и проигрывая в уме различные сценарии, как в детских книжках, где финал выбирает читатель. Я плотно зажмуриваюсь и представляю альтернативный вариант, когда мы ушли на пять минут раньше или позже, и Джейкоб остался жив и спит сейчас в своей кроватке, и его ресницы спокойно темнеют на фоне круглых щек. Но ничего не меняется. Каждую ночь я заставляю себя проснуться пораньше, будто, прервав кошмар, можно обратить вспять и реальность. Но, похоже, возник некий устойчивый шаблон, и вот уже несколько недель я вскакиваю по несколько раз за ночь от глухого удара маленького тела о бампер и моего бесполезного вопля, когда Джейкоб скатывается с капота на мокрую дорогу.

Я живу затворницей в каменном коттедже – не хожу дальше деревенского магазина, где покупаю молоко, и существую на тостах с кофе. Я трижды решала зайти к Бетан в трейлерный парк и три раза передумывала. Это досадно: у меня уже давно нет друзей, и примерно столько же времени они мне очень нужны.

Я сжимаю левую руку в кулак и разгибаю пальцы, затекшие и непослушные после ночного сна. Боль теперь редко меня беспокоит, но я ничего не ощущаю в области ладони, и два пальца потеряли чувствительность. Стискиваю кулак, чтобы прогнать щекочущее покалывание. Конечно, надо было сразу обратиться к врачу, но это казалось такой мелочью по сравнению с тем, что случилось с Джейкобом, и боль представлялась чем-то справедливым и заслуженным. Поэтому я просто бинтовала руку, скрипя зубами каждый раз, как приходилось отдирать присохшую повязку. Постепенно рука поджила, но линия жизни навсегда скрылась под сплошными рубцами.

Я вытаскиваю ноги из-под горы одеял на кровати. Наверху нет отопления, и стены блестят от конденсата. Я поспешно натягиваю спортивные брюки и темно-зеленую фуфайку, не потрудившись выправить из-под нее волосы, после чего спускаюсь в гостиную. Ледяные плитки пола заставляют беззвучно ахнуть, прежде чем я на цыпочках добегаю до кроссовок и отодвигаю засов на двери. Я всегда вставала рано – вместе с солнцем, чтобы поработать в мастерской. Без своей работы я чувствую себя потерянной, заблудившейся в поисках новой себя.

Летом здесь будут туристы – пожалуй, не в такой ранний час и не так далеко от моря, но на пляже яблоку негде будет упасть. Однако пока песчаный берег мой, и одиночество приятно. Тусклое зимнее солнце медленно одолевает скалистые вершины, отражаясь блеском в ледяной корке луж на тропе, огибающей бухту. Я перехожу на бег, и мое дыхание повисает в воздухе судорожно вырвавшимися белыми облачками. В Бристоле я не ходила на пробежки, а здесь заставляю себя пробегать целые мили.

Поймав темп в такт биению сердца, я размеренно бегу к морю, гулко стуча подошвами по каменной дорожке. Ежедневные пробежки сделали меня увереннее. Тропинка, спускающаяся на пляж, уже настолько знакома, что я могу пройти ее с закрытыми глазами; последние несколько футов я перепрыгиваю, приземляясь на влажный песок. Держась вплотную к скалам, я оббегаю бухту, пока путь не преграждает скальный выступ, уходящий в море.

Сейчас отлив; по песку тянется полоса плавника и выброшенного волнами мусора, как грязный круглый след в ванне. Отойдя от скалы, я бегу быстрее и несусь по отмели, где ноги засасывает мокрый песок. Низко наклонив голову против ледяного ветра, я мчусь изо всех сил, обгоняя прилив, и вскоре легкие начинают гореть, а в ушах шумит кровь. Противоположная скала увеличивается, стремительно приближаясь, но вместо того чтобы остановиться, я прибавляю скорость. Ветер хлещет меня волосами по лицу, и я мотаю головой, чтобы их отбросить. За долю секунды до того, как врезаться в поджидающий утес, я вытягиваю перед собой руки и с размаху упираюсь ладонями в холодный камень. Жива. Не сплю. Спаслась от ночных кошмаров.

Адреналин схлынул, и я, дрожа от холода, возвращаюсь тем же путем. Мокрый песок уже поглотил цепочку следов, не оставив доказательств моего спринта между скал. Заметив у ног обломок выброшенного морем дерева, я рассеянно поднимаю его и провожу канавку вокруг себя, однако пропитанный водой песок снова становится гладким еще до того, как я отрываю палку от его поверхности. Огорчившись, я поднимаюсь ближе к скалам, где песок посуше, и снова обвожу круг. Так-то лучше. Меня вдруг посещает желание написать свое имя на песке, будто я приехала на каникулы, и я улыбаюсь своей ребячливости. Обломок дерева тяжелый и скользкий, но я заканчиваю надпись и отступаю полюбоваться делом рук своих. Странно видеть свое имя таким размашистым и дерзким – я много лет всячески старалась ступать... Что я такое теперь? Скульптор, который ничего не ваяет. Мать без ребенка. Буквы отчетливы и зримы, они буквально кричат, их можно разглядеть даже с вершин прибрежных скал. Меня пробирает дрожь страха и восторга. Я рискую, и как же это приятно!

Наверху символическое ограждение призывает прохожих не подходить к осыпающемуся краю обрыва. Не обращая внимания на предупреждающую табличку, я переступаю проволоку и останавливаюсь в нескольких дюймах от пропасти. Песок внизу превращается из серого в золотой в лучах поднимающегося солнца, и мое имя так и сияет посреди пляжа, словно подбывая запечатлеть его, прежде чем оно исчезнет.

Я успею сделать снимок, прежде чем начнется прилив. Я смогу остановить мгновение своей возвращенной смелости. Я кидаюсь в коттедж за фотоаппаратом. Ноги словно стали легче, и я поняла – это потому, что я бегу, а не убегаю.

Первая фотография получается так себе: буквы слишком далеко от берега. Я бегом спускаюсь на пляж и исписываю песчаную гладкость именами из моего прошлого: их скоро сгладит мокрый песок. Ближе к скалам я вывожу прозвища персонажей читанных в детстве книг или имена, которые привлекают меня своим витиеватым начертанием. Вынув фотоаппарат, я присаживаюсь на корточки и низко наклоняюсь, почти припав к песку, и принимаюсь снимать под разными углами, ловя объективом слова на фоне пенных бурунов, а затем вместе со скалами и щедрой порцией синего неба. Последние кадры я делаю со скалы, балансируя на самом краю и игнорируя липкий цепящийся страх. Пляж испещрен словами разных размеров, будто

бессвязным бредом сумасшедшего, но я уже вижу, как наступающий прибой лижет буквы и закручивает мутные водовороты песка, набегая на берег. К вечеру, когда вода снова отступит, пляж будет девственно-чист, и я смогу начать заново.

Я совсем потеряла счет времени, но солнце уже высоко, и в фотоаппарате, должно быть, сотни снимков. Мокрый песок липнет к одежде, волосы жесткие от соли. Пальцы без перчаток ноют от холода. Я пойду домой и приму горячую ванну, затем загрузу снимки на ноутбук и погляжу, получилось ли у меня что-нибудь годное. Я ощущаю прилив сил: впервые после несчастного случая у меня появляется цель.

У развилки я колеблюсь, живо представив Бетан, так напоминающую мою сестру. Меня охватывает ностальгия, и, не успев передумать, я сворачиваю на тропу, ведущую к трейлерному парку. Какая у меня причина идти в магазин? Денег при себе нет, поэтому я не могу притвориться, что зашла за молоком или хлебом. Наверное, можно что-нибудь спросить, но ничего убедительного в голову не приходит: Бетан поймет, что это лишь предлог, и сочтет меня жалкой.

Решимость ослабевает уже через сотню ярдов, и я останавливаюсь перед парковкой. Взглянув на магазин, я вижу в окне силуэт – не знаю, Бетан ли это, но я не выясняю: поворачиваюсь и бегу обратно в коттедж.

Я добираюсь до Блэйн Сэди и вытаскиваю ключ из кармана, однако когда кладу руку на дверь, та слегка подается вперед, и я осознаю, что не смогла ее запереть. Дверь старая, замок ненадежный; Йестин показал мне, как подтягивать дверь, чтобы ключ повернулся, но иногда я билась с ним по десять минут. Йестин оставил мне свой номер телефона, но не знал, что я выбросила мобильный. К коттеджу проведена телефонная линия, а самого аппарата нет, поэтому придется идти в Пенфач искать таксофон, чтобы попросить Йестина зайти и починить замок.

Не пробыла я в коттедже и десяти минут, как в дверь стучат:

– Дженна? Это Бетан!

Я на мгновение думаю притвориться, что меня нет дома, однако любопытство пересиливает, и когда я открываю, чувствую прилив радости: хотя я и искала уединения, в Пенфаче мне одиноко.

– Я вам пирог принесла. – Бетан приподнимает завернутое в полотенце блюдо и переступает порог, не дожидаясь приглашения. Она ставит подарок у плиты.

– Спасибо. – Я тщетно подыскиваю дежурные любезности, но Бетан только улыбается. Она снимает тяжелое шерстяное пальто, и я выхожу из ступора: – Хотите чай?

– Если нальете, – отзывается гостья. – Вот, подумала – зайду, погляжу, как вы поживаете. Я все ждала, когда вы ко мне зайдете, но представляю, что такое устраиваться на новом месте... – Оглядевшись, она замолкает при виде аскетичной гостиной, ничем не отличающейся от той, куда меня впервые впустил Йестин.

– У меня мало средств, – смущенно объясняю я.

– А в Пенфаче и нет богачей, – весело говорит Бетан. – Главное, чтобы вам было тепло и уютно.

Пока она болтает, я хожу по кухне, собирая чай и радуясь, что есть чем занять руки. Наконец мы присаживаемся за сосновый стол.

– Как вам в Блэйн Сэди?

– Идеально, – отвечаю я. – То, что нужно.

– В смысле, теснота и холодина? – смеется Бетан, отчего чай выплескивается у нее из кружки. Она пытается оттереть темное пятно на бедре, однако жидкость впитывается в брюки.

– Мне не нужно много места, а камин вполне меня согревает, – улыбаюсь я. – Мне здесь правда нравится.

- Какая же у вас история, Дженна? Каким ветром вас занесло в Пенфач?
- Здесь красиво, – просто отвечаю я, обхватив кружку и глядя на чай, чтобы не встречаться с пронизывающим взглядом Бетан. Она не настаивает.
- Что ж, тут вы правы, бывают места и похуже, хотя зимой здесь скучно.
- А когда вы начнете сдавать трейлеры?
- Откроемся к Пасхе, – говорит Бетан. – Когда заработают все летние заведения, округу будет не узнать. А сворачиваемся в конце октября. Дайте знать, если к вам приедут родственники, – выделю вам трейлер. Здесь-то гости нипочем не уместятся.
- Это очень любезно с вашей стороны, но я никого не жду.
- У вас нет родни? – Бетан глядит на меня в упор, и я чувствую, что не могу опустить глаза.
- Есть сестра, – признаюсь я. – Но мы не общаемся.
- А что случилось?
- О, обычная размолвка, – легко отвечаю я. Даже сейчас я отчетливо помню гневное лицо Евы, умолявшей меня послушать ее. А я была слишком горда. Ослеплена любовью. Послушайся я Еву, все вышло бы по-другому.
- Спасибо за пирог, – говорю я. – Вы очень добры.
- Чепуха, – отзывается Бетан, ничуть не возражая против смены темы. Она надевает пальто и закутывается в шарф. – Для чего еще нужны соседи! Теперь ваша очередь зайти на чай, и не задерживайтесь с визитом!
- Это звучит почти приказом. Я киваю. Бетан внушительно глядит на меня темно-кариими глазами, и на секунду я снова чувствую себя ребенком.
- Приду, – обещаю я. – Правда, приду.
- Когда Бетан уходит, я переставляю карту памяти в ноутбук и открываю снимки. Большинство никуда не годятся, но на нескольких превосходно запечатлелись надписи на песке на фоне неумолимо надвигающегося зимнего моря. Я ставлю подогреть воду для чая и, увлекшись редактированием, лишь спустя полчаса спохватываюсь – чайник до сих пор не закипел. Я протягиваю руку: плита холодна, как лед. Опять барахлит. В рабочем азарте я и не заметила, что в комнате понизилась температура, но теперь зубы выбивают дробь. Я гляжу на пирог с курятиной, принесенный Бетан, и в животе урчит. В прошлый раз, когда плита вышла из строя, мне понадобилось два дня, чтобы снова ее зажечь, и теперь просто руки опускаются при мысли повторить это мероприятие.
- Я встряхиваюсь. Что это я так падаю духом? Когда я успела растерять способность принимать решения и справляться с проблемами? Я не какая-нибудь жалкая слабачка!
- Так, – громко говорю я. В гулкой пустой кухне мой голос звучит странно и почти незнакомо. – Ну-ка, разберемся!

Солнце встает над Пенфачем прежде, чем я успеваю согреться. Ноги затекли после нескольких часов сидения на корточках, и волосы местами перепачкались копотью, но я с давно забытым чувством триумфа кладу пирог Бетан в духовку. Меня не волнует, что сейчас уже ближе к завтраку, чем к ужину, и что голодные спазмы перестали меня мучить: я накрываю стол как для обеда и с наслаждением съедаю все до последней крошки.

Глава 7

– Шевелитесь! – гаркнул Рэй, задрав голову вверх, и взглянул на часы в пятый раз за пять минут. – Опаздываем же!

Словно утро понедельника не было тяжелым само по себе, Мэгс ночевала у сестры и должна была вернуться только к обеду. На сутки Рэй оказался в одиночном полете и разрешил (весьма недальновидно, как он уже понял) детям вчера посмотреть поздний фильм. Сегодня в полвосьмого он еле поднял с кровати даже неунывающую Люси. Сейчас без двадцати пяти девять, пора выезжать. В полдесятого Рэя ожидает к себе начальница, а такими темпами он и через час будет стоять у лестницы и звать детей.

– А ну, бегом! – Рэй пошел к машине, оставив дверь дома открытой, сел за руль и завел мотор. На крыльцо выбежала Люси – нерасчесанные волосы падали на лицо – и прыгнула на переднее сиденье рядом с папой. Темно-синяя школьная юбка мягкая, один гольф спустился до щиколотки. Доброй минутой позже Том на заплетающихся ногах вышел вслед за сестрой – полы незаправленной рубашки трепетали на ветру. Галстук он нес в руке и надевать, судя по всему, не собирался. За последние месяцы сын сильно вытянулся и еще не привык к новому росту, поэтому ходил с опущенной головой и сильно сутулился.

Рэй крикнул в окно машины:

– Дверь, Том!

– А? – поднял голову сын.

– Дверь закрой! – Рэй стиснул руль. Бог знает, как Мэгс управляется каждое утро и еще не поубивала этих лодырей. Список дел рос с каждой минутой, и крюк до школы сегодня был очень лишним.

– А-а. – Том вернулся и захлопнул дверь, после чего поплелся к машине.

– А почему это Люси впереди? – возмутился он, усевшись сзади.

– Сегодня моя очередь!

– Нет!

– Нет, да!

– Хватит! – рявкнул Рэй.

В полном молчании они доехали до начальной школы Люси, и подскочившее давление у Рэя почти пришло в норму. Бросив «Мондео» на желтых зигзагах, он отвел дочку в класс, наскоро поцеловал в лоб и бегом побежал обратно. У машины уже стояла представительница дорожной полиции и записывала номер.

– О, это вы! – сказала она при виде Рэя и погрозила пальцем: – Уж вы-то должны знать, инспектор!

– Простите, – извинился Рэй, – очень спешу на работу. Вы же представляете, что это такое.

Он уехал, оставив патрульную постукивать карандашом по блокноту. Чертова дорожная мафия, подумал он. Делать им нечего, вот и страдают ерундой.

– Как твоя школа? – спросил Рэй, поглядывая на пассажирское сиденье (Том перелез вперед, едва Люси вышла, но упорно смотрел в окно).

– Прекрасно.

Учительница Тома сказала, что ситуация не ухудшилась, но нет и признаков улучшения. Рэю с Мэгс пришлось подъехать в школу и выслушать рапорт о мальчике, у которого нет друзей, который готовит домашние задания с минимально возможным старанием и никогда не поднимает руку на уроках.

– Миссис Хиксон говорит, по средам тренируется футбольный клуб. Хочешь пойти?

– Не особо.

– А я в детстве очень любил футбол. Может, и тебе передалось что-нибудь спортивное? Даже не глядя на Тома, Рэй знал, что мальчишка вытаращил глаза. Он вздрогнул, слыша себя: сейчас он говорит в точности как его собственный отец.

Том сунул в уши наушники.

Рэй вздохнул. Пубертатный период превратил его сына в недовольного молчаливого подростка, и он с ужасом ждал того дня, когда то же самое начнется с дочкой. Родителям не годится иметь любимчиков, но Рэй питал особую нежность к своей Люси, которая в девять лет обожала посидеть у папы на коленях и порой требовала сказку на ночь. А с Томом Рэю и раньше случалось сталкиваться лбами. Слишком одинаковые, со вздохом говорила Мэгс, хотя Рэй никакого особенного сходства не замечал.

– Можешь высадить меня здесь, – сообщил Том, отстегивая ремень безопасности.

– Отсюда же целых два квартала!

– Пап, все нормально, я дойду. – Мальчишка взялся за ручку, и на мгновение Рэю показалось, что сын сейчас распахнет дверь и выбросится на проезжую часть.

– Да пожалуйста... – Рэй остановился у обочины, второй раз за утро игнорируя дорожную разметку. – Но ты опоздаешь на перекличку.

– Все, пока.

Хлопнув дверцей, Том пошел через дорогу, лавируя между машинами. Что же случилось с его добрым, смешливым сынишкой? Подобная немногословность – норма для подростков, или же тут что-то другое? Рэй покачал головой. Казалось бы, детские проблемы – это прогулка в парке по сравнению со сложным расследованием, но Рэй бы не задумываясь предпочел допрос подозреваемого общению с сыном. Подозреваемого легче разговорить, невесело подумал он. Слава богу, забирать детей из школы будет Мэгс.

Когда Рэй доехал до управления, мысли о Томе отошли на второй план. Не нужно быть гением, чтобы догадаться, почему его вызывает высокое начальство: Джейкоб погиб почти полгода назад, расследование застопорилось... Рэй присел на стул у обшитого дубовыми панелями кабинета, поймав сочувственную улыбку секретарши.

– Она заканчивает звонок, – предупредила секретарь. – Ждать недолго.

Оливия Риппон была женщиной блестящего ума и невыносимого характера. Быстро поднявшись по служебной лестнице, она уже семь лет руководила полицией графств Эйвон и Сомерсет. Когда ей предложили очередную должность – комиссара столичной полиции, Оливия, сославшись на «личные причины», осталась в родном управлении, где с наслаждением доводила опытных детективов до состояния заикающихся развалин по время ежемесячных отчетов о выполненной работе. Оливия была прямо-таки рождена для полицейской формы; темные волосы забраны в простой узел, мощные ноги обтянуты плотными черными колготками.

Рэй потерял ладони о колени – однажды он слышал, что начальница зарубила повышение перспективному сотруднику, метившему в старшие инспекторы, на том основании, что его «потные ладони не внушают доверия». Рэй не знал, правда это или нет, но держать пари бы не стал. На его зарплату полицейского инспектора семья худо-бедно жила, хотя случалось и затянуть пояса. Мэгс упорно держалась за свою затею пойти в учительницы, однако Рэй подсчитал, что если ему удастся подняться на одно, а то и два звания, новой зарплатой им хватит и без того, чтобы жена выходила на работу. С содроганием вспомнив утренний хаос, Рэй решил, что Мэгс и так делает более чем достаточно. Не годится ей рваться на части ради того, чтобы они могли иногда себя побаловать...

– Можете войти, – произнесла секретарша.

Рэй глубоко вздохнул и толкнул дверь:

– Доброе утро, мэ.

Ответом послужило молчание – начальница что-то быстро и подробно записывала в блокноте известным своей неразборчивостью почерком. Рэй мялся у дверей, притворяясь, что любит целую коллекцию сертификатов и фотографий, развешанных по стенам. Темно-синий ковер был толще и мягче, чем у других в управлении; огромный стол для совещаний занимал полкабинета. Оливия Риппон сидела у дальней стены за пузатым письменным столом. Дописав, что нужно, начальница подняла глаза:

– Я хочу, чтобы вы закрыли дело о наезде в Фишпондс.

Ясно было, что присесть ему не предложат, поэтому Рэй взял ближайший к Оливии стул и присел без приглашения. Начальница приподняла бровь, но ничего не сказала.

– Мне кажется, будь у нас еще немного времени...

– У вас было достаточно времени, – отрезала Риппон. – Пять с половиной месяцев. Это просто позорное пятно на нашей репутации, Рэй. Каждая статейка в «Пост» о ваших сомнительных «достижениях» в расследовании лишний раз напоминает – полиция не справляется со своей задачей. Вчера вечером мне звонил Льюис: он хочет, чтобы дело отправили в архив. Это совпадает с моим желанием.

Рэй почувствовал, как в нем растет гнев.

– Разве не лично Льюис отклонил просьбу общественности ограничить скорость в жилых районах до двадцати миль в час?

Последовала пауза, в течение которой Оливия холодно глядела на него.

– Закрывайте дело, Рэй.

Они мерили друг друга взглядами над блестящей полированной ореховой столешницей. Странно, но первой глаза опустила Оливия, отодвинувшись на стуле и положив руки перед собой.

– Рэй, вы превосходный сыщик, ваше упорство делает вам честь, но если вы хотите повышения, то должны понимать, что в полиции нужно не только уметь раскрывать преступления, но и вести правильную политику.

– Так точно, мэ. – Рэю с трудом удалось избежать тоскливой интонации.

– Ну вот и хорошо. – Оливия сняла с ручки колпачок и потянулась к очередной служебной записке. – Значит, договорились: с сегодняшнего дня дело Джордана закрыто.

Возвращаясь в управление, Рэй впервые в жизни обрадовался дорожной пробке. Ему очень не хотелось сообщать новость Кейт, причем эта мысль отчего-то перевешивала остальные соображения. Кейт в полиции еще новичок и не привыкла расписываться в собственном бессилии, закрывая расследования, в которые вложено столько сил. Стампи отнесется к этому спокойнее.

Приехав, Рэй сразу вызвал их обоих к себе. Кейт вошла первой, неся кружку кофе, которую поставила рядом с его компьютером, где стояли три других, с остатками холодной черной жижи.

– С прошлой недели, что ли?

– Ага. Уборщица отказалась мыть.

– Ну и правильно, вы и сами в состоянии вымыть за собой чашку. – Кейт присела. Вошел Стампи, кивнув Рэю в знак приветствия.

– Помните машину, которую Брайан и Пэт заметили на записях уличных камер? – начала Кейт, как только Стампи уселся. – Которая летела, будто за ней черти гонятся?

Рэй кивнул.

– Мы не смогли установить ее номер, и я бы хотела отдать видеозапись Уэсли. В крайнем случае сможем вычеркнуть водителя из числа подозреваемых.

Уэсли Бэррон был анемичным тощим типом, каким-то образом попавшим в эксперты дорожной полиции. Сидя в цокольном этаже тесного здания на Рэдленд-роуд, он работал на

потрясающем оборудовании и умел добиться такой четкости записей с уличных камер, что материалы можно было использовать в качестве доказательств в суде. По логике вещей, за Уэсли ничего не водилось, раз он сотрудничал с полицией, но сама обстановка его душного подвала без окон будила нехорошие подозрения.

– Прости, Кейт, но эти расходы я тебе не подпишу, – покачал головой Рэй, собираясь с духом сказать, что работу над делом придется прекратить. Уэсли стоил дорого, хотя результаты у него были выше всяких похвал. Однако Рэя впечатлил столь всесторонний подход к расследованию у новой сотрудницы. Ему не хотелось признаваться в этом даже себе, но за последние недели он отвлекся от дела Джордана. А все этот Том со своими проблемами, с неожиданной обидой подумал Рэй. Нельзя допускать, чтобы семейные неурядицы сказывались на качестве работы, особенно в таких громких делах. Хотя какая теперь разница, с горечью сказал он себе, раз Риппон вынесла постановление о прекращении расследования.

– Ну, там не такая огромная сумма, – не сдавалась Кейт. – Я говорила с Уэсли, и он...

– Я не могу выделить ни пенни из бюджета управления, – перебил Рэй, многозначительно глядя на Стампи. Тот посмотрел на Рэя и все понял. Не в первый раз они закрывали дело по распоряжению начальства. – Главная приказала отправить дело в архив, – пояснил Рэй, переведя взгляд на Кейт.

Стало очень тихо.

– Надеюсь, вы сказали, куда ей идти, – засмеялась Кейт, но смех прозвучал в тишине. Она поглядела на Рэя, затем на Стампи, и лицо у нее вытянулось: – Вы серьезно? Что, вот так взять и все бросить?

– А нечего бросать, – хмыкнул Рэй. – Мы в тупике. У нас ничего нет, осколки разбитой фары ничего не дали...

– Есть больше десятка подозрительных автомобилей, – перебила Кейт. – Необязательно верить на слово механикам, которые якобы не ведут записей, кому чинили машину. Я все равно смогу их проверить, просто это займет больше времени!

– Напрасный труд, – мягко сказал Рэй. – Иногда нужно уметь вовремя остановиться.

– Мы сделали все, что могли, – поддержал его Стампи, – но это все равно что искать иголку в стоге сена. Ни номера, ни цвета, ни марки, ни модели. Маловато для раскрытия, Кейт. Рэй остался очень благодарен Стампи за его слова.

– Вот именно, – подхватил он. – Боюсь, пока придется подвести черту. Конечно, если что-то всплывет, мы возобновим расследование, но пока...

Он не закончил, спохватившись, что говорит, как Риппон в пресс-релизах.

– Это все внутренняя политика, да? – вдруг спросила Кейт. – Начальство говорит: «Прыгай», а мы только спрашиваем: «На какую высоту?»

Похоже, девушка приняла новость слишком близко к сердцу.

– Да ладно тебе, Кейт, ты не первый день в полиции и понимаешь – иногда приходится принимать трудные решения... – Рэй заставил себя замолчать, а то у него выходило чересчур снисходительно. – Пойми, за полгода у нас ничего не появилось – ни свидетелей, ни данных судмедэкспертизы. Мы можем бросить все ресурсы в мире на это дело и все равно не соберем достоверной информации. Прости, но у нас в работе другие дела и другие жертвы.

– Но вы хоть возразили или сразу лапки кверху подняли? – надерзила Кейт, щеки которой пылали от гнева.

– Кейт, – предупреждающе одернул ее Стампи, – уймись!

Игнорируя его, она с вызовом смотрела на Рэя:

– Наверное, вы думали о своем повышении! Кто метит высоко, с начальством не ссорится!

– Это здесь ни при чем! – неожиданно для себя рявкнул Рэй. Несколько секунд они с Кейт испепеляли друг друга взглядами. Краем глаза он видел, что Стампи выжидательно смотрит

на него. Старшему инспектору полагалось приказать Кейт выйти из кабинета, напомнить, что она рядовой оперативный сотрудник в заваленном работой полицейском управлении, и если начальник сказал, что дело закрыто, значит, оно закрыто, и баста. Рэй открыл рот, но заговорить не смог.

Проблема была в том, что Кейт попала в точку. Было время, когда Рэй тоже стоял перед начальством и ожесточенно возражал – примерно так, как Кейт сейчас. Может, он теряет хватку или действительно на все готов ради повышения?

– Когда вкладываешь в дело всю душу, с таким исходом трудно смириться, – негромко произнес он.

– На кону не просто дело, – Кейт указала на фотографию Джейкоба на стене, – а гибель маленького мальчика! Так нельзя, это неправильно!

Рэй вспомнил мать Джейкоба, сидевшую на диване, с почерневшим от горя лицом, и не стал спорить.

– Мне очень жаль. – Он кашлянул и попытался сменить тему. – Что еще у нас в работе сейчас? – спросил он у Стампи.

– Малколм в суде всю неделю по делу Грейсона, у него слушание о тяжких телесных на Квинс-стрит – прокуратура решила предъявить обвинение. Я занимаюсь агентурными сведениями касательно ограблений магазинов «Ко-оп», а Дейва бросили проводить мероприятия в рамках кампании предупреждения незаконного ношения холодного оружия. Он сегодня в колледже, взаимодействует с местными сообществами...

Последнюю фразу Стампи произнес с отвращением. Рэй засмеялся.

– Приходится шагать в ногу со временем, Стампи.

– Перед этими юнцами можно трепаться до посинения, – огрызнулся сержант, – это не помещает им ходить с ножом в кармане.

– Возможно, но попытка не пытка, – проговорил Рэй, быстро записывая себе памятку в ежедневнике. – Что будет нового, сообщи мне завтра до утреннего совещания. И я бы хотел получить твои соображения о добровольной сдаче ножей до начала школьных каникул. Нужно отвлечь от улицы как можно больше подростков.

– Будет сделано.

Кейт смотрела в пол, безжалостно обдирая заусенцы. Стампи мягко потыкал ее в плечо. Девушка повернула голову.

– Хочешь сэндвич с беконом? – тихо спросил он.

– От сэндвича мне лучше не станет, – буркнула она.

– Тебе нет, – согласился Стампи, – зато мне станет легче, если ты все утро не будешь ходить с лицом как у бульдога, проглотившего осу.

Кейт невесело засмеялась:

– Сейчас подойду.

Возникла заминка – Кейт явно ждала, пока Стампи выйдет. Плотно прикрыв дверь за сержантом, Рэй вернулся за свой стол, уселся и скрестил руки на груди.

– Ты в порядке?

Кейт кивнула:

– Я хотела извиниться. Я позволила себе недопустимый тон.

– Я слышал и похуже, – усмехнулся Рэй. Кейт не улыбнулась, и он понял, что у нее нет настроения для шуток. – Я знаю, сколько значило для тебя это расследование...

Кейт снова оглянулась на снимок Джейкоба.

– У меня такое чувство, будто я его предала.

Рэй почувствовал, что его решимость колеблется. Это правда, они действительно предали погибшего мальчишку, однако Кейт не станет легче, если это озвучить.

– Ты выложились на полную, – сказал он вместо этого. – Большого ты не сделаешь.

– Но этого оказалось недостаточно? – Кейт поглядела на начальника. Рэй покачал головой.

Девушка встала и вышла из кабинета, прикрыв за собой дверь. Рэй с силой врезал кулаком по столу. Ручка покатилась и упала на пол. Инспектор качнулся назад на стуле и переплел пальцы за затылком, отметив, какими жидкими стали волосы, и прикрыл глаза, чувствуя себя старым и уставшим. Рэй подумал о старших по званию полицейских, с которыми ежедневно пересекался, – большинство солидного возраста, но немало и молодых, бодро штурмовавших служебную лестницу. Хватит ли у него сил состязаться с ними? Хочет ли он этого вообще?

Много лет назад, когда Рэй пришел в полицию, ему все казалось предельно простым: сажать негодяев и охранять безопасность добропорядочных горожан, собирать улики на месте преступления, где произошло убийство, изнасилование или злостное хулиганство, ловить виновных, и от этого людям станет легче дышать. А чем он занимается? Торчит в офисе с восьми до восьми и уходит домой, просто махнув рукой на нескончаемые бумажные завалы, вынужденный подчиняться корпоративной политике, даже когда она идет вразрез с его убеждениями.

Рэй поглядел на пухлую папку с делом Джейкоба Джордана, набитую отчетами о поисках ветра в поле и обернувшимися пшиком информационными запросами. Он подумал о горечи на лице Кейт, о ее разочаровании, что любимый начальник не осмелился возразить Оливии Риппон. Ему было невыносимо думать, что отныне Кейт будет о нем худшего мнения. Но слова начальницы звучали в ушах, и Рэй знал – с приказами не спорят. Он взял папку с делом Джейкоба и решительно убрал в нижний ящик стола.

Глава 8

Небо грозило дождем с самого рассвета, едва я спустилась на пляж. Я накидываю капюшон, защищаясь от первых капель. Сегодня я сделала достаточно снимков, исписав пляж вокруг. Я уже научилась обходиться без лишних следов вокруг надписей, оставляя песок гладким и нетронутым, и уже смелее обращаюсь с фотоаппаратом. Я изучала фотодело в колледже искусств, хотя моей подлинной страстью всегда была скульптура, и теперь с удовольствием заново знакоюсь с камерой, повсюду ношу ее с собой, меняю настройки и пробую снимать при разном освещении. Фотоаппарат стал частью меня, совсем как комки глины, с которой я раньше работала. Рука ноет после целого дня работы с камерой, но оставшейся в ней подвижности мне хватает. Я начала спускаться на пляж каждое утро, пока песок еще влажен и податлив, но возвращаюсь сюда и днем, когда солнце в зените. Я запомнила часы прилива и отлива и впервые после несчастного случая начала строить планы на будущее: я жду лета, чтобы увидеть песок позолоченным солнцем. Трейлерный парк уже открылся – Пенфач полон приезжих. Меня забавляет, насколько «местной» я успела стать; я ворчу из-за нашествия туристов, ревниво оберегая свой уединенный пляж.

Песок становится рябым от дождевых капель. Начавшийся прилив сглаживает первые надписи, равно уничтожая удачи и ошибки. У меня вошло в привычку начинать утро с написания собственного имени у самой кромки воды, и я вздрагиваю при виде того, как его поглощает море. Новые снимки надежно заключены в фотокамере, но я никак не привыкну к этой недолговечности: нет комка глины, к которому можно возвращаться снова и снова, делая силуэт все более совершенным, открывая его истинную форму. Из необходимости я работаю быстро и нахожу процесс упоительным – и изматывающим.

Дождь усиливается, промачивая насквозь мою куртку и обувь. Повернувшись уходить, я вижу человека, идущего навстречу; его прыжками догоняет большой пес. Я перестаю дышать. Человек довольно далеко, и трудно сказать, направляется ли он ко мне или просто гуляет у моря. Во рту появляется металлический вкус, и я облизываю губы в поисках влаги, но нахожу только соль. Я уже видела этого человека и его собаку вчера утром – смотрела на них сверху, пока они не ушли и пляж снова не опустел. Несмотря на акры открытого пространства, я вдруг чувствую себя как в ловушке и иду вдоль прибоа, словно так и намеревалась.

– Доброе утро, – здоровается мужчина, слегка меняет направление и идет параллельно мне.

Я не могу ничего ответить.

– Прекрасный день для прогулки, – продолжает он, кивнув на небо. Ему за пятьдесят, под плотной мужской панамой седые волосы, короткая ухоженная бородка закрывает половину лица.

Я медленно выдыхаю.

– Я уже возвращаюсь, – неопределенно говорю я. – Мне пора.

– Хорошего дня, – человек чуть кивает и подзывает пса, а я сворачиваю к скалам и трусцой бегу к тропинке. На полпути я оглядываюсь, но мужчина по-прежнему у самого моря, кидает палку в волны, и собака в восторге бросается за ней в воду. Вскоре сердце перестает частить, и я начинаю чувствовать себя нелепо.

Мокрая насквозь, я взбегаю наверх и вдруг решаю повидать Бетан. Быстрым шагом я иду к трейлерному парку, не давая себе времени передумать.

Бетан встречает меня широкой улыбкой.

– Я сейчас поставлю чайник!

Она хлопчет в глубине магазина, весело болтая о прогнозе погоды, угрозе закрытия автобусных маршрутов и поломанной изгороди, из-за которой у Йестина за ночь разбежалось семьдесят коз.

– Элвен Рис была весьма недовольна, доложу я вам!

Я смеюсь – не столько самому рассказу, сколько манере Бетан говорить, сопровождая речь бурной жестикуляцией с выразительностью прирожденной актрисы. Я брожу по магазину, пока она готовит чай. Бетонный пол, беленные известью стены, стеллажи. Когда я зашла сюда впервые, полки были пусты, а сейчас они заставлены пачками хлопьев, консервами, свежими фруктами и овощами на самый взыскательный вкус. В больших холодильниках – упаковки молока и другие продукты. Я присматриваюсь к какому-то сыру.

– Это козий сыр Йестина, – поясняет Бетан. – Берите, пока есть, а то туристы расхватывают, как горячие пирожки. Ну, садитесь к обогревателю и рассказывайте, как поживаете... – Черно-белый котенок мяукает у ее ног. Бетан подхватывает его и устраивает на своем плече: – Хотите взять для компании? Мне троих раздать нужно, наша кошка – отличная мышеловка, кстати, – окотилась несколько недель назад. Ума не приложу, кто папаша!

– Нет, спасибо...

Котенок само очарование – меховой шарик с подергивающимся хвостиком-метрономом. В памяти всплывает давно забытое воспоминание, и я съеживаюсь на стуле.

– Не жалуете кошек?

– Не смогу обеспечить уход, – поясняю я. – У меня даже хлорофитум вянет. Все, вверенное моему попечению, погибает.

Бетан смеется, хотя я и не шучу. Пододвинув второй стул, она ставит чашку чая на прилавок рядом с моей.

– Фотографировали, да? – указывает она на фотоаппарат, висящий у меня на шее.

– Да так, несколько кадров залива...

– Можно посмотреть?

Я колеблюсь, но снимаю ремешок через голову и включаю камеру, показывая Бетан, как листать снимки.

– Как красиво!

– Спасибо, – лепечу я, заливаясь краской. Я никогда не умела с достоинством принимать похвалу. В детстве учителя хвалили мои работы и выставляли их в канцелярии, где ожидали посетители, но только годам к двенадцати я поверила, что у меня талант, пусть неоформившийся и неограниченный. В школе проводили выставку – самую обычную, для родителей и местных жителей, и мои папа с мамой пришли вместе, что было редкостью уже тогда. Отец молча постоял там, где были выставлены мои рисунки и птица из изогнутого металла. Я, затаив дыхание, скрестила пальцы на удачу, спрятав руку в складки юбки.

«Невероятно, – произнес отец, глядя на меня так, будто видел впервые. – Дженна, неужели ты все это сама?»

Чуть не лопаюсь от гордости, я взяла папу за руку и подвела к миссис Бичинг, которая заговорила о колледжах искусств, стипендиях и специальном образовании. А я просто сидела и смотрела на моего папу, который поверил, что я необыкновенная.

Хорошо, что его уже нет. Мне было бы невыносимо увидеть разочарование в его глазах. Бетан разглядывает запечатленные мной пейзажи.

– Дженна, но это же хоть вот сразу на стенку! Вы их продавать будете?

Я чуть не прыскаю, но Бетан смотрит без улыбки, и до меня доходит, что это деловое предложение.

Я задумываюсь. Пожалуй, не эти – это все пробы пера, я еще учусь верно улавливать свет, но если над ними поработать...

– Может быть, – неожиданно для себя отвечаю я.

Бетан пролистывает оставшиеся фотографии и смеется при виде своего имени, выведенного на песке:

– Это же я!

Я снова краснею:

– Я пробовала что-то новое...

– Какая прелесть! Можно я ее куплю? – Бетан снова берет фотоаппарат и любитесь снимком.

– Пустяки, – отмахиваюсь я, – я для вас распечатаю. Это самое меньшее, что я могу сделать, ведь вы были так добры ко мне...

– На почте в деревне есть такая машина, что можно самим печатать фотографии, – подсказывает Бетан. – Мне ужасно нравится та, которая с моим именем, и вот эта, во время отлива!

Она выбирает один из моих любимых кадров, сделанный вечером, когда солнце опускалось за горизонт. Море в тот вечер было удивительно спокойным – переливающееся розово-оранжевое зеркало, а прибрежные скалы превратились в гладкие темные силуэты, выступавшие из воды справа и слева.

– Сегодня же распечатаю.

– Спасибо. – Бетан решительно откладывает камеру и поворачивается ко мне со знакомым деловым видом: – А теперь моя очередь что-то для вас сделать.

– Но зачем же, – начинаю я, – вы уже и так...

Бетан отмахивается от моих робких возражения.

– Я тут разбиралась перед летом, набралось вон кое-что, нужно куда-то деть. – У двери стоят два черных мешка. – Ничего особенного – подушки и покрывала из трейлеров, где мы делали ремонт, и одежда, в которую мне уже не влезть, даже если я брошу есть шоколад. Все простенькое – в Пенфаче не носят бальных туалетов, но есть свитера, джинсы и пара платьишек, которыми я соблазнилась в свое время...

– Бетан, но вы не можете отдать мне свою одежду!

– Отчего же?

– Ну, потому что...

Она глядит мне в глаза, и я замолкаю, побежденная ее практичностью. В самом деле, не могу же я ходить в одном и том же, не снимая.

– Слушайте, я все равно снесла бы эти пакеты в благотворительный магазин. Переберете и возьмете то, что вам пригодится.

Я возвращаюсь в коттедж, нагруженная теплой одеждой и большим пакетом того, что Бетан называла «всякой всячиной для красоты». Я раскладываю вещи на полу гостиной, как рождественские подарки. Джинсы немного великоваты, но с ремнем сидят прекрасно. Я тронута чуть ли не до слез от мягкости толстого флисового джемпера, который Бетан положила для меня: в коттедже жутко холодно, и я постоянно мерзну. Скучная одежда, которую я захватила из Бристоля (я спохватилась, что перестала называть его домом), сносились и стала жесткой от соли и ручной стирки в ванне.

Но в настоящий восторг меня приводит «всякая всячина для красоты». Я застилаю обшарпанный диван огромным лоскутным покрывалом зеленого и красного цветов, и в гостиной сразу становится уютнее и даже теплее. На каминной полке у меня лежит коллекция отполированных волнами камней, которые я собрала на пляже: к ним я ставлю вазу из «благотворительного» пакета Бетан, решив днем срезать несколько веток ивы. Подушки находят место на полу у камина, где я обычно читаю или редактирую фотографии. На дне пакета находятся два полотенца, коврик для ванной и еще одно покрывало.

Я ни на миг не верю, что Бетан собиралась все это выбросить, но считаю за лучшее не допытываться.

В дверь стучат, и я оставляю свое занятие. Бетан предупредила, что сегодня зайдет Йестин, но я на всякий случай выжидаю несколько секунд.

– Эй, дома вы или нет?

Отодвинув засов, я открываю дверь. Йестин приветствует меня со своей обычной ворчливостью, и я радушно отвечаю. То, что я сперва принимала за пренебрежение и даже грубость, оказалось просто свойством нелюдимого человека, который больше волнуется о своих козах, чем о чувствах двуногих собратьев.

– Я вам дрова привез, – сообщает он, указав на обрезки бревен, как попало сваленные в прицепе квадроцикла. – Нельзя же, чтобы вы в холоде сидели. Вот и привез вам.

– Разрешите предложить вам чая?

– Два сахара, – бурчит Йестин через плечо, уже шагая к прицепу. Он начинает укладывать дрова в ведро, а я ставлю чайник.

– Сколько я должна вам за дрова? – спрашиваю я, когда мы сидим за кухонным столом и пьем чай.

Йестин качает головой:

– Да это остатки от зимы. Продать нельзя, никто не купит.

Дров, которые он аккуратно сложил у очага, хватит минимум на месяц. Я снова подозреваю в этом руку Бетан, но не могу отказаться от столь щедрого дара. Нужно придумать, как отблагодарить Йестина, и Бетан тоже.

Йестин отмахивается от моего лепета:

– Я бы тут обстановку и не узнал, – говорит он, оглядывая нарядное покрывало, ракушки и другие освоенные сокровища. – Как плита, не капризничает? – Он указывает на допотопную «Агу»: – У нее, заразы, непростой характер!

– Нет, все прекрасно, спасибо, – отвечаю я, пряча улыбку. Я стала уже настоящим экспертом и привожу плиту в чувство за несколько минут. Скромный триумф, но я прибавила его к остальным, копя успехи, будто они могли нейтрализовать неудачи.

– Ну, мне пора, – поднимается Йестин. – В выходные съедется родня. Можно подумать – королеву принимаем, так Глинис хлопочет. Я ей говорил – им все равно, чисто ли у нас и стоят ли цветы в гостиной, но ей подавай, чтобы все сверкало. – Он таращит глаза якобы сердито, но его тон заметно смягчается, когда он заговаривает о жене.

– Приедут ваши дети? – спрашиваю я.

– Обе дочки, – отвечает он, – с мужьями и внучатами. Теснота будет, но никто не в обиде, родная кровь, что ж...

На этом Йестин прощается, и я некоторое время смотрю, как квадроцикл подсакивает на неровной земле.

Закрыв дверь, я стою, оглядывая коттедж. Гостиная, всего минуту назад казавшаяся такой уютной, стала пустой. Я представляю ребенка – моего ребенка, играющего у камина. Я думаю о Еве, о племяннике и племяннице, растущих без меня, не знающих своей тетки. Пусть я потеряла сына, но у меня по-прежнему есть родня, как бы там ни было!

В детстве мы с Евой жили очень дружно, несмотря на разницу в четыре года. Я ходила за ней хвостом, а Ева возилась со мной, ничуть не досадуя. Внешне мы совсем разные: я с буйной рыжей шевелюрой и Ева с прямыми светло-каштановыми волосами. Учились мы обе хорошо, но Ева была прилежнее меня и корпела над учебниками, когда мои книжки уже летели через комнату. Я предпочитала проводить время в школьной арт-студии или на полу гаража – единственном месте в доме, где мать разрешала мне доставать глину и краски. Моя брезгливая сестрица воротила нос от подобных занятий, с визгом убегая от моих расставленных рук, выпачканных свежей глиной. «Леди Ева», – назвала я ее однажды, и прозвище прилипло:

сестру все так и звали, уже когда мы обе обзавелись семьями. Меня не покидало ощущение, что Еве льстит такое определение: я не однажды видела, как она с удовольствием принимает комплименты за прекрасный званый ужин или нарядно завернутые подарки.

Черная кошка между нами пробежала после ухода отца. Я так и не смогла простить нашу мать, выставившую его из дома, и не понимала, отчего Ева встала на ее сторону. Но я очень скучала по сестре, и сейчас даже больше, чем раньше. Пять лет необщения – слишком высокая плата за сказанные в запальчивости слова.

Найдя в ноутбуке фотографии, о которых просила Бетан, я добавляю еще три, которые хотела вставить в рамки и повесить в коттедже. Рамки можно сделать из выброшенного морем дерева... На снимках залив, все сделаны с одной точки, но при этом удивительно несхожие. Пронзительно-синяя вода, в которой отражается солнце, на первой фотографии – сменяется монотонно-серой на второй, где солнце едва проглядывает в облачном небе. Третий кадр – мой любимый: я сделала его, когда сильный ветер едва не столкнул меня с края обрыва: даже вечных чаек в небе не было. На фотографии грозовые тучи, угрожающе нависнув над морем, мечут молнии в пучину, а море бешено швыряет опененные валы в лицо тучам. Природа в тот день казалась настолько живой и одухотворенной, что дух захватывало от глубокого волнения.

Я добавляю на флэшку еще один снимок, сделанный в первый день, когда я писала на песке имена из моего прошлого.

«Леди Ева».

Я не могу рисковать, сообщив сестре, где нахожусь, но могу намекнуть, что со мной все в порядке – и что я прошу прощения.

Глава 9

– Я в «Гарри» на ланч, босс, вам чего-нибудь принести? – спросила Кейт с порога. Она была в серых брюках от хорошего портного и облегающем свитере, поверх которого накинула легкую куртку.

Рэй поднялся и сдернул пиджак со спинки стула.

– Я с тобой – хоть воздуха глотну.

Обычно он ел в столовой или в кабинете, но ланч с Кейт привлекал его больше. Кроме того, наконец-то выглянуло солнце, а Рэй с восьми утра не вставал из-за письменного стола. Он заслужил перерыв.

В кафе «У Гарри», как всегда, было людно: очередь тянулась до самого входа. Кафе пользовалось популярностью среди полицейских не только из-за близости к управлению, но и потому, что сэндвичи тут стоили недорого, и делали их быстро. Нет ничего хуже для голодного дежурного копа, чем срываться на срочный вызов, когда заказ еще не принесли.

Очередь постепенно продвигалась.

– Я могу принести вам сэндвич в офис, если вы торопитесь, – предложила Кейт, но Рэй покачал головой:

– Тороплюсь, но не настолько. Я дорабатываю план операции «Прорыв», мне полезно проветрить голову. Давай поедим здесь.

– Давайте. «Прорыв» – это против отмывания денег? – Кейт говорила тихо, чтобы не услышали стоявшие вокруг, и Рэй кивнул.

– Могу тебе коротко рассказать, если хочешь, чтобы ты понимала, что к чему.

– Очень хочу, спасибо.

Они заказали сэндвичи и устроились на высоких стульях у окна, вполглаза поглядывая на Гарри, который через минуту уже помахал в воздухе коричневыми пакетами. За окном прошли двое полицейских в форме – Рэй приподнял руку в знак приветствия.

– Вот тебе и еще доказательство, что полиция ни черта не делает, – усмехнулся он.

– Ох, знал бы кто, – вздохнула Кейт, вытаскивая из сэндвича кольцо помидора и съедая его отдельно. – Я никогда так не впихивала, как над делом Джейкоба Джордана, и все впустую.

Рэй уловил горечь в ее голосе.

– Не впустую, и ты это знаешь. Однажды виновный кому-нибудь проговорится, поползут слухи, и мы возьмем негодяя.

– И это называется охраной правопорядка?

– В смысле? – Рэй даже не знал, обижаться или смеяться над подобной прямоотой.

Кейт отложила сэндвич:

– Мы только реагируем, а надо действовать активно. Нельзя сидеть и ждать, пока поступит информация; мы должны ее искать.

Рэй словно услышал себя молодого в первые дни работы в полиции – или Мэгс, хотя его жена не была такой настырной, как Кейт. Эта даже в сэндвич вьелась с яростным напором. Рэй подавил улыбку. Девушка привыкла высказываться начистоту, не сдерживая себя и не заботясь, по чину ли ей такие заявления. В управлении ее дерзость уязвила бы не одно самолюбие, но Рэй ничего не имел против откровенности и искренности. Более того, разговор с девушкой казался ему отдушиной.

– Что, достало до печенок? – уточнил он.

Кейт кивнула.

– А водитель, сволочь такая, где-то катается, радуясь, что ему все сошло с рук. Мать Джейкоба уехала из Бристоля, решив, что мы вообще не ищем, кто был за рулем...

Вдруг она замолчала.

– В чем дело?

Щеки Кейт порозовели, но она с вызовом подняла голову:

– Я не переставала работать над расследованием!

За годы работы Рэю случалось сталкиваться с не отработанными из-за загруженности или лени следователей версиями, но чтобы делать лишнюю работу? Это что-то новое.

– Я занимаюсь этим в свое личное время, у Риппон к вам никаких претензий быть не может. Я пересматривала записи с уличных камер и проверяла звонки, поступившие после эфира «Крайм уотч»: вдруг мы что-то пропустили?

Рэй представил, как Кейт сидит дома, разложив бумаги на полу, и смотрит бесконечные нечеткие записи с камер дорожного наблюдения.

– Значит, ты считаешь, мы можем вычислить водителя?

– Я считаю, что нам нельзя опускать руки.

Рэй улыбнулся.

– Теперь вы мне запретите? – Кейт закусил губу.

Именно это инспектор и собирался сделать, но девица оказалась на диво упрямая и настойчивая; даже если она ничего не найдет, какой от нее вред? Когда-то Рэй и сам мог решиться на подобную авантюру.

– Нет, – отозвался он, – не запрещаю. В основном потому, что ты меня не слушаешься.

Они обменялись понимающими усмешками.

– Но я попрошу держать меня в курсе, ну и включать голову в отношении времени, которое ты на это тратишь. Дело Джордана не должно идти прежде текущих расследований. Договорились?

Кейт оценивающе поглядела на него:

– Да. Спасибо, Рэй.

Тот скомкал опустевшие бумажные пакеты.

– Пошли, пора. Покажу тебе свои наработки по операции «Прорыв», и мне надо двигаться домой, иначе опять наживу крупные неприятности. – Рэй округлил глаза в шутливой гримасе.

– Мне казалось, Мэгс не против того, что у вас ненормированный график? – спросила Кейт, когда они возвращались в управление.

– В последнее время у нас будто что-то разладилось... – признался Рэй, сразу почувствовав себя предателем. Он почти ни с кем не откровенничал, за исключением Стампи, который знал Мэгс столько же, сколько Рэя. С другой стороны, вряд ли это можно счесть болтливостью: ведь его слышит только Кейт.

– Будто? – засмеялась она. – А наверняка вы не знаете?

Рэй невесело улыбнулся.

– Наверняка пока ничего не знаю. Не могу конкретно сказать, что неладно, но... У нас проблемы со старшим, с Томом. Он никак не освоится в школе, стал очень угрюмым и обособленным.

– А сколько ему?

– Двенадцать.

– По-моему, это особенность возраста, – отозвалась Кейт. – Моя мама клянется, что я вообще была чума...

– Верю, – не удержался Рэй. Кейт ткнула его в бок, и он засмеялся. – Но для Тома такое поведение необычно, и изменился он буквально за день.

– Думаете, его задирают в школе?

– Мне приходила такая мысль. Расспрашивать не лезу, чтобы не капать на мозги. Мэгс с ними лучше умеет, но и она ничего от Тома не добила. – Он вздохнул. – Дети... Кто их только заводит?

– Точно не я, – сообщила Кейт, проводя картой-ключом по считывателю, чтобы открыть дверь служебного входа. – По крайней мере, в ближайшие годы. Еще столько всего хочется попробовать, – засмеялась она, и Рэй невольно позавидовал ее сравнительно беззаботной жизни.

Они поднялись на второй этаж, и Рэй остановился, взявшись за дверную ручку:

– Насчет дела Джордана...

– Строго между нами, – улыбнулась Кейт. Рэй про себя вздохнул с облегчением. Если Риппон узнает, что он по-прежнему тратит ресурсы – пусть и бесплатные – на расследование, которое она прямым текстом приказала закрыть, он будет разжалован в патрульные, прежде чем успеет глазом моргнуть.

Вернувшись в свой кабинет, Рэй углубился в разработку операции «Прорыв»: Риппон поручила ему расследование предполагаемого отмывания денег двумя ночными клубами в центре Бристоля. Клубы служили ширмой для разнообразнейшей преступной деятельности, и предстояло обработать массу информации. Владельцы клубов были известными людьми и солидными бизнесменами; Рэй понимал – Риппон его проверяет, и готовился достойно ответить на вызов.

Вечером он разбирался с делами, которые вела третья оперативная группа. Констебль Келли Проктор ушла в декретный отпуск, и Рэй попросил самого опытного оперативника в группе не подвести. Шон работал хорошо, но инспектор хотел убедиться, что ничего не упускается в отсутствие Келли.

Кейт скоро тоже повысят, подумалось ему. Девушка настолько энергичная и способная, что может научить паре вещей даже матерых сыщиков, и с азартом берется за самые сложные задачи. Вон с каким вызовом она призналась, что не прекращала работу над расследованием: такую преданность разыскному делу еще поискать.

Интересно, что ею движет? Не желает смириться с поражением или и правда надеется на какой-то результат? Может, зря Рэй покорно согласился с Риппон, что дело пора закрывать? Он задумался, барабанил пальцами по столу. Рабочий день официально закончился, Рэй обещал жене не опаздывать, но на полчаса задержаться можно. Он быстро открыл нижний ящик и достал дело Джейкоба.

О времени он вспомнил спустя добрых полтора часа.

Глава 10

– А, я так и думала, что это вы! – запыхавшаяся Бетан догоняет меня на тропинке в Пенфач; полы ее незастегнутого пальто хлопают на ветру. – Я на почте была. Вот хорошо, что я вас встретила – у меня новость!

Я дожидаюсь, пока Бетан отдышится.

– Какая же?

– К нам вчера заходил торговый агент из компании, которая выпускает открытки, я показала ваши фотографии, а он сказал – из них получатся отличные открытки!

– Что, правда?

Бетан смеется:

– Конечно, правда! Он просит, чтобы вы распечатали несколько образцов, и он их заберет, когда в следующий раз к нам наведается.

Я не в силах сдержать широкой улыбки:

– Какая чудесная новость, спасибо!

– А я обязательно выставлю их на продажу. Да, а если вы создадите свой веб-сайт и выложите снимки в Сеть, я разошлю информацию по всему моему списку контактов. Многие захотят купить прекрасные фотографии залива, где проводили отпуск!

– Обязательно, – обещаю я, хотя понятия не имею, как создавать сайты.

– На песке же не только имена можно писать, но и «Желаю удачи!» или «Поздравляю!» и так далее.

– В самом деле. – Я представляю целую серию открыток, расставленных в ячейки проволочной стойки, узнаваемых по наклонной букве «J», которую я сделаю своим логотипом. Имени писать не буду, только инициал. Может, открытки действительно будут покупать, ведь мне давно пора начинать зарабатывать. Расходы у меня невелики – я почти ничего не ем, но вскоре закончатся последние деньги, и другого источника дохода у меня нет. К тому же я соскучилась по работе. Мысленно мне слышится злорадный, издевательский хохот, но я заставляю себя не обращать внимания. Почему это я не могу освоить новое направление? Отчего это люди не купят мои фотографии, как покупали скульптуры?

– Я так и сделаю, – решительно говорю я.

– Ну, тогда вопрос, считайте, решен, – заключает довольная Бетан. – Чем сегодня займетесь?

За разговором мы незаметно дошли до Пенфача.

– Да вот, думала пройтись по побережью, посмотреть новые места, – отзываюсь я. – Пофотографировать другие пляжи.

– Лучше Пенфача не найдете, – заверяет Бетан и глядит на часы. – Через десять минут отходит автобус до Порт-Эллис – неплохое местечко, можете начать оттуда!

Дождавшись автобуса, я с удовольствием поднимаюсь в салон. Автобус пустой, и я сажусь назад, подальше от водителя, чтобы не пришлось отвечать на расспросы. Мы едем от побережья по узким дорогам, и я смотрю, как остается позади море, а потом выискиваю его снова, когда мы приближаемся к месту назначения.

Тихое шоссе, где останавливается автобус, стиснуто каменными стенами, обступившими, кажется, весь Порт-Эллис. Трогуара нет, поэтому я иду по дороге, ведущей, по моим расчетам, к центру деревни. Погуляю по улицам, а потом спущусь к морю.

Черный пакет лежит полускрытым живой изгородью – он завязан узлом и выброшен в неглубокий кювет. Я почти прохожу мимо, приняв его за мусор, оставленный туристами.

Но пакет вдруг шевелится – совсем легонько.

Так легонько, что я сперва думаю – это ветер шевелит пластик. Я наклоняюсь и трогаю пакет: внутри явно находится что-то живое.

Опустившись на колени, я разрываю мусорный мешок. Отвратительная вонь страха и экскрементов бьет в нос, и я пытаюсь подавить дурноту, разглядев внутри двух щенков. Один лежит неподвижно, его спина разодрана в кровь когтями извивающегося, обезумевшего от страха второго щенка, который еле слышно скулит. У меня вырывается рыдание, и я подхватываю живого щенка, положив его за пазуху куртки. Кое-как поднявшись на ноги, я осматриваюсь и кричу человеку, переходящему дорогу метрах в ста:

– Помогите, пожалуйста!

Человек поворачивает и неторопливо направляется ко мне, ничуть не взволнованный моей паникой. Он очень стар, с горбатой спиной, его подбородок почти утыкается в грудь.

– Здесь есть ветеринар? – спрашиваю я, когда незнакомец подходит поближе.

Старик глядит на щенка, неподвижно и тихо лежащего в куртке, всматривается в черный пакет у кювета, щелкает языком и медленно поводит головой.

– Сын Алана Мэтьюса, – отвечает он, кивая в сторону, видимо, показывая, в каком направлении искать этого сына, после чего подбирает черный мешок с его ужасным содержимым. Я иду за стариком, чувствуя, как тепло от щенка распространяется в груди.

Больница оказывается маленьким белым домиком в конце переулочка. Над дверью красуется вывеска «Ветеринарная клиника Порт-Эллис». В темноватой приемной на пластмассовом стуле сидит женщина, держа на коленях кошачью переноску. Пахнет дезинфектантом и псиной.

Секретарша отрывается от компьютера:

– Здравствуйте, мистер Томас, чем могу помочь?

Мой компаньон кивает медсестре и опускает увесистый черный мешок ей на стол.

– Эта вот нашла щенков, выброшенных в канаву. Что за люди пошли... – Старик треплет меня по руке: – Тут вам помогут, не сомневайтесь.

На этом он выходит на улицу, заставив колокольчик над дверью восторженно задребезжать.

– Спасибо, что принесли... – На секретарше ярко-голубая туника с бейджем, на котором жирными выпуклыми буквами значится: «Меган». – Многие прошли бы мимо.

Ключи у нее висят на ремешке, унизанном яркими бейджиками для животных и значками благотворительных организаций – такие носят медсестры в детском отделении. Открыв пакет, Меган бледнеет и молча уносит его куда-то.

Через несколько секунд открывается дверь из кабинета врача, и Меган с улыбкой спрашивает:

– Вы хотите вылечить этого малыша? Патрик вас сейчас примет.

– Спасибо. – Я прохожу за Меган в комнату странной формы, со шкафами по углам. В дальнем конце стоит кухонный стол с маленькой металлической раковиной, над которой человек в медицинском халате моет руки ярко-зеленым мылом, покрыв себя пеной до локтей.

– Здравствуйте, я Патрик. Ветеринар, – добавляет он и смеется: – Но это вы уже поняли.

Он высокий – выше меня, что я встречаю нечасто, – с темно-русыми волосами, которых давненько не касались ножницы парикмахера. Под голубым халатом джинсы и клетчатая рубашка с закатанными рукавами. Улыбка открывает белые зубы. На вид ему лет тридцать пять.

– Меня зовут Дженна. – Я распахиваю куртку и вынимаю черного с белыми подпалинами щенка, успевшего заснуть и тихо посапывающего: прискорбная участь брата его явно не тронула.

– Что тут у нас? – спрашивает ветеринар, мягко забирая щенка из моих рук. Песик просыпается, вздрагивает и съезживается. Патрик возвращает щенка мне. – Подержите его на столе, – просит он, – иначе стресс усугубится. Если в пакет его бросил мужчина, пройдет довольно

много времени, прежде чем пес снова начнет нам доверять. – Он осторожно ощупывает дрожащее тельце, а я, нагнувшись, приговариваю щенку в ухо что-то успокаивающее, не забываясь о том, что подумает Патрик.

– Что это за порода? – спрашиваю я.

– Чистокровный двортерьер.

– Кто? – Я выпрямляюсь, держа ладонь на спинке щенка, который уже не протестует против осторожного осмотра Патрика.

Ветеринар улыбается:

– Интересная помесь. В основном спаниель, судя по ушам, но кто еще принимал участие, можно только догадываться. Пожалуй, колли или в самом деле терьер... Чистопородных бы не выбросили, можете мне поверить.

Он поднимает щенка и отдает мне.

– Ужас какой, – отзываюсь я, вдыхая тепло маленькой собачки. Щенок утыкается носом мне в шею. – Кто мог такое сделать?

– Мы сообщим в полицию, но шансы, что виновника найдут, ничтожны. Народ здесь неразговорчивый, лишнего не сболтнет.

– И что с ним будет? – спрашиваю я.

Патрик сует руки в карманы своего хирургического халата и прислоняется к раковине.

– Вы сможете его взять к себе?

Я замечаю у доктора мелкие белые линии в уголках глаз, словно от постоянного прищура на солнце. Должно быть, он много времени проводит на свежем воздухе.

– Вряд ли ему найдут хозяина, – продолжает Патрик. – А в приюте мест не хватает. Было бы очень здорово, если бы вы взяли его домой. Судя по всему, из него выйдет прекрасный друг.

– Боже, но я не могу завести собаку! – вырывается у меня. Я не могу избавиться от ощущения, что все это произошло только потому, что я приехала в Порт-Эллис.

– Отчего же?

Я замираю в нерешительности. Как объяснить, что вокруг меня происходят сплошные несчастья? Я всей душой хочу вновь о ком-то заботиться, но в то же время такая перспектива повергает меня в ужас. Что, если я не смогу стать хорошей хозяйкой? А вдруг щенок заболеет?

– Я даже не знаю, позволит домовладелец или нет, – отвечаю я наконец.

– А где вы живете? В Порт-Эллисе?

Я качаю головой:

– В Пенфаче, в коттедже недалеко от трейлерного парка.

В глазах Патрика мелькает искорка:

– Вы сняли коттедж Йестина Джонса?

Я киваю. Меня уже не удивляет, что Йестина в округе знают все.

– Его я беру на себя, – решительно говорит Патрик. – Йестин учился в школе вместе с моим отцом, и мне есть что ему припомнить. Вот увидите, он разрешит вам держать хоть стадо слонов.

Я невольно улыбаюсь и чувствую, что краснею.

– Пожалуй, слонов я приводить не буду...

– Спаниели отлично ладят с детьми, – добавляет Патрик. – У вас есть дети?

Пауза кажется бесконечной.

– Нет, – отвечаю я наконец, – детей у меня нет.

Щенок, приподнявшись на моих руках, начинает неистово лизать мне подбородок. Его крохотное сердечко бьется рядом с моим.

– Ладно, – решаюсь я, – я его возьму.

Глава 11

Рэй осторожно поднялся с постели, стараясь не разбудить Мэгс. Он обещал ей в выходные не вспоминать о работе, но если встать пораньше, у него будет целый час, чтобы ответить на электронные письма и посидеть над планом операции «Прорыв». Обыски пройдут в двух клубах одновременно, и если источники не подвели, полиция найдет крупную партию кокаина и документацию о движении денежных средств в этом якобы законном бизнесе.

Натянув брюки, Рэй спустился сварить кофе. Когда чайник уже кипел, сзади послышались шаги.

– Папуля! – Люси подбежала и с размаху обняла его за талию. – Я не знала, что ты проснулся!

– Ты уже не спишь? – Рэй разжал дочкину хватку и наклонился поцеловать Люси. – Прости, не попрощался с тобой на ночь. Как у тебя в школе?

– Нормально вроде бы. А у тебя на работе?

– Вроде бы нормально.

Они улыбнулись друг другу.

– Можно телевизор посмотреть? – затаив дыхание, Люси уставилась на отца огромными молящими глазами. У Мэгс было строгое правило насчет телевизора по утрам, но, во-первых, сегодня выходной, а во-вторых, у Рэя будет время поработать.

– Давай, только быстро.

Девочка побежала в гостиную, боясь, что папа передумает; тихо щелкнул включившийся телевизор, и в кухню донеслись делано высокие голоса персонажей какого-то мультфильма. Рэй, присев за кухонный стол, включил «блэкберри».

К восьми часам он разобрался с большинством писем и налил себе вторую чашку кофе, а в кухню вернулась Люси и пожаловалась – она умирает с голоду, когда будет завтрак?

– Том еще спит? – спросил Рэй.

– Спит. Он лентяй.

– Я не лентяй! – возмущенно раздалось со второго этажа.

– Нет, лентяй! – крикнула Люси.

По лестнице загрохотали шаги, и Том слетел на первый этаж с сердитой гримасой, пылающий от гнева и взлохмаченный со сна. На лбу у него пламенели подростковые прыщи.

– Нет, не лентяй! – гаркнул он и толкнул сестру вытянутой рукой.

– Уй-я! – вскрикнула Люси, у которой тут же брызнули слезы. Ее нижняя губа задрожала.

– Да я тебя совсем не больно!

– Нет, больно!

Рэй застонал. Неужели все братья и сестры так ссорятся? Когда он уже хотел силой разнимать своих отпрысков, в гостиную спустилась Мэгс.

– Спать в восемь утра в выходной – какая же это лень, Люси, – мягко пожурела она. – Том, не бей сестру. – Она взяла у мужа чашку кофе: – Это мне?

– Да, – ответил Рэй и снова поставил чайник. Он поглядел на своих детей, которые уже сидели за столом и вслух планировали, что будут делать в летние каникулы, забыв – или отложив – свою ссору. Мэгс всегда умела разрядить обстановку. – Как ты это делаешь?

– Это называется воспитание, – отозвалась жена. – Попробуй, тебе понравится.

Рэй промолчал. В последнее время они с Мэгс постоянно пикировались, и у него не было настроения в сотый раз спорить, что важнее: работать с утра до ночи или растить детей.

Мэгс ходила по кухне, выставляя на стол все для завтрака, ловко и быстро делая тосты, наливая сок и успевая при этом пить кофе.

– Когда ты вчера пришел? Я не слышала, – надев фартук поверх пижамы, она выпустила яйца на сковороду. Этот фартук Рэй подарил ей на Рождество много лет назад, решив прикинуться незадачливым мужем, который дарит жене сковородки и гладильные доски, но Мэгс только этот фартук и носила. На нем была картинка с домохозяйкой 50-х годов и подпись: «Люблю готовить с вином – иногда даже в еду его добавляю». Рэй вспомнил, как приходил домой с работы и обнимал стоявшую у плиты Мэгс сзади, чувствуя, как фартук мнется под руками. Отчего он совсем перестал обнимать жену?

– В час, наверное, – признался Рэй. На бензозаправке в пригороде Бристоля произошло вооруженное ограбление. Патрульным удалось переловить всех четверых грабителей за несколько часов после инцидента. Рэй оставался в управлении скорее из солидарности со своей командой, чем из реальной необходимости.

Кофе был слишком горячим, но Рэй все равно сделал глоток, обжигая язык. Зажужжал «блэкберри»: Стампи писал, что четверым задержанным уже предъявлены обвинения, и на утреннем слушании судья оставил их под стражей. Рэй сразу набрал сообщение суперинтенданту.

– Рэй! – с нажимом сказала Мэгс. – Никакой работы, ты же обещал!

– Извини, я докладываю насчет ночного ограбления...

– Всего два дня, Рэй! На работе как-нибудь обойдутся без тебя.

Она поставила сковороду с яичницей на стол и присела.

– Осторожно, горячо! – предупредила она Люси и посмотрела на Рэя: – Завтракать будешь?

– Попозже, сейчас в душ схожу. – Он задержался в дверях, глядя, как они втроем едят.

– В понедельник нужно оставить калитку открытой, придет мойщик окон, – говорила Мэгс. – Не запирай, когда завтра вечером будешь выставлять пакеты с мусором. Я ходила к соседям по поводу деревьев – обещали спилить в ближайшие дни, хотя в это я поверю, когда увижу...

Рэй думал, появится ли в «Пост» заметка о ночном задержании: пронюхивают же газетчики о нераскрытых делах!

– Круто, – рассеянно отозвался он.

Мэгс отложила вилку и поглядела на мужа.

– А? Что? – спросил Рэй. Поднимаясь на второй этаж, он вынул «блэкберри», чтобы сбросить пару строк дежурному сотруднику по связям с прессой: не стоит упускать случая подчеркнуть оперативность вверенного ему управления.

– Спасибо, – сказала Мэгс. Они сидели на диване, не включая телевизор.

– За что?

– За то, что в кои-то веки отложил свою работу. – Мэгс запрокинула голову и закрыла глаза. Морщинки в уголках глаз разгладились, и жена сразу показалась моложе. Рэй вдруг осознал, как часто она теперь ходит хмурая, и задумался – с ним та же история?

У Мэгс была улыбка, которую ее свекровь называла щедрой.

«Просто у меня большой рот», – засмеялась Мэгс, впервые услышав такое определение.

Собственный рот Рэя чуть изогнулся при этом воспоминании. Пусть жена сейчас меньше улыбается, но она по-прежнему все та же Мэгс, какой была много лет назад. Она любила сетовать на лишние фунты, набранные после рождения детей, но Рэю даже нравилось, какой стала Мэгс: мягкий круглый живот, полные, тяжелые груди. Однако жена оставалась глуха к его комплиментам, и он бросил ее хвалить.

– Да, здорово вышло, – подтвердил Рэй. – Нужно почаще так делать.

Они провели день дома, ничего особенного не делая, а потом, по случаю солнечной погоды, вышли поиграть в крикет. Рэй достал из сарая старый свингбол, и Люси с Томом лупили по мячу до сумерек, хотя Том громогласно возмущался, что это «детский маразм».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.